ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 54 (3083) Четверг, 7 мая 1953 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Писатель и критика

Нет такой области коммунистического строительства, в которой критика и самокритика не выполняли бы боевую, действенную роль. Смелое, прямое указание на ошибки и недостатки помогает быстрее изживать их, успешно двигаться вперед по пути дальнейшего подъема народного хозяйства и культуры.

Критика и самокритика вошли в практику всей советской жизни, став могучей движущей силой социалистического общества. Миллионы трудящихся — на собраниях и в печати, на производственных совещаниях и в советах — повседневно участвуют в критическом обсуждении всех сторон деятельности целых коллективов и отдельных работников. Развитие критики и самокритики, борьба против парадного благополучия и упоения успехами — это обязанность каждого коммуниста, записанная в Уставе Коммунистической партии.

И так уж повелось, что каждый советский деятель, какой бы высокий пост он ни занимал, прислушивается к суровому и требовательному голосу критики и подвергает самокритической оценке свою работу, делая для себя необходимые, полезные выводы. А тот, кто игнорирует критику и не способен признать свои ошибки, оказывается неспособным и к плодотворной деятельности.

Если так велика роль критики и самокритики в тех областях, где работа подчинена заранее намеченному плану и осуществляется коллективом, где результаты определяются точными количественными и качественными показателями, то как же важна критика и самокритика в творческой работе писателя, который создает произведение по своему личному, глубоко индивидуальному замыслу и работает один, иногда в течение ряда лет не вынося свою работу на общественный суд! Решение издательства и мнение редактора — это только первый шаг в жизни книги, которой суждено признание или порицание, суждено долголетие или забвение.

— Насколько удалось мне осуществить задуманное? Образы, в которые вложил я столько творческого волнения, которые стали мне близкими и знакомыми до последней, мельчайшей черточки характера, до каждой интонации голоса, до каждого жеста,— стали ли они живыми не только для меня, но и для читателя? Отразил ли я подлинную, большую правду жизни? Мысли, которые волновали меня своей значительностью и казались такими нужными народу, дошли ли они до читателя, удалось ли мне выразить их?

Эти вопросы встают перед каждым писателем, закончившим новое произведение. Ответ на эти вопросы дает критика: мнение товарищей по профессии, обсуждающих книгу в творческой секции, мнение специалистов-критиков, выступающих в печати, мнение широких масс читателей, выражающих свое отношение и выступлениями на читательских конференциях, и письмами в редакции, и спросом на книгу...

Критика всегда плодотворна и полезна, если она смела и нелицеприятна, требовательна и доброжелательна, если она выступает с передовых идейных позиций и опирается на знание жизни. Критика всегда плодотворна и полезна, хотя она бывает горькой и суровой, и подчас причиняет острую боль: нелегко примириться с мыслью, что выношенный в глубине сердца, продуманный и любимый образ оказался неудачным, что здание, казавшееся стройным и прекрасным, оказалось шатким; и — самое трудное — тяжело признать, что совершена ошибка в идейном замысле.

Но как это ни трудно, признание и продумывание своих ошибок всегда ведет к творческому подъему и успеху. Больно было Максиму Горькому читать суровое, гневное письмо, в котором В. И. Ленин, так любивший знаменитого писателя, беспощадно вскрывал его идейные ошибки. Но подлинно великий писатель М. Горький нашел в себе силы и понять, и принять критику. Ленинская критика была для него неоценимой помощью и во многом определила весь его дальнейший творческий путь.

Больно было и Демьяну Бедному, когда партийная печать сурово осудила его идейно порочные произведения, а И. В. Сталин упрекнул за нетерпимость к критике:

«Не находите ли, что Вы заразились некоторой неприятной болезнью, называемой «зазнайством»? Побольше скромности...»

И поэт сумел пересмотреть свои взгляды, сумел творчески преодолеть свои ошибки.

Чрезвычайно поучительна история «Молодой гвардии» А. Фадеева. И в ранних своих произведениях, и в «Разгроме», и в «Последнем из удэге» писатель большое внимание уделял образам коммунистов, ведущих за собой народные массы. Недостаточное раскрытие руководящей роли партии в «Молодой гвардии» было серьезной творческой неудачей, которая повлекла за собой и идейные недостатки романа.

Правильно, по-партийному воспринял А. Фадеев серьезные замечания партийной печати. Глубоко продумав эти замечания, писатель в течение нескольких лет работал над романом и создал новую его редакцию, в которой органически, в самой образной ткани, преодолены недостатки первого издания.

Столь же серьезно отнесся к критике и Вал. Катаев. Статья, опубликованная в «Правде», была глубоко продумана писателем. Он не ограничился признанием своих ошибок: вышедшее в конце прошлого года новое издание романа показало, что писатель правильно осмыслил критические замечания.

Серьезные выводы сделал из критики и А. Прокофьев. В связи с критикой переведенного им националистического стихотворения В. Сосюры «Люби Украину» отмечались и отход поэта от жизненных проблем, и замкнутость его поэзии, и стилизаторство, которым подчас подменялась народность его стихов. Опубликованные за последние два года стихи о Севере и о великих стройках коммунизма показывают, что поэт стремится теснее связать свое творчество с современностью и глубже изучить жизнь народа.

Как показывают приведенные примеры, дело не в формальном согласии с критикой, а в том, чтобы глубоко и творчески переосмыслить явления жизни, которые получили неверное освещение, и не на словах, а в самой практике исправить недочеты.

Приходится отметить, что далеко не всегда писатели проявляют должное внимание к критике.

Некоторые писатели проходят мимо частных замечаний, сделанных в статьях и рецензиях, особенно в тех случаях, когда общая оценка произведения положительная. Вместо того, чтобы особенно тщательно поработать над устранением малейших дефектов в произведении, признанном в целом удачным, они успокаиваются на достигнутом и, многократно переиздавая свои книги, не работают над их совершенствованием.

Иногда писатель забывает о том, что исправление, доработка, многократное авторское редактирование — это одна из благородных традиций великих наших классиков, которые неутомимо и взыскательно совершенствовали свои произведения; он забывает и об опыте крупнейших советских писателей. Всю жизнь Горький постоянно возвращался к тексту своего классического, получившего мировое признание романа «Мать», постоянно работал над своими произведениями для каждого нового издания. Алексей Толстой много работал над новыми изданиями своей трилогии и «Петра Первого». Мих. Шолохов, готовя новое издание «Поднятой целины», внес в него немало поправок.

Большую роль в творческом росте писателя играет не только печать, не только профессиональная критика, но и широкая читательская общественность. Тот писатель, который не прислушивается к мнению читателей, не участвует в читательских конференциях, посвященных его произведениям, не отвечает на письма читателей, совершает большую ошибку и прежде всего наносит огромный ущерб своему собственному творчеству. Ибо самым строгим и требовательным судьей, самым пристальным критиком часто оказывается именно массовый читатель, для которого книга — это друг и оружие, а писатель — это учитель и товарищ.

Мнение читателей, мнение литературной общественности не может не интересовать и не волновать писателя, если он хочет итти вместе с народом, хочет быть участником строительства коммунизма, хочет быть подлинным инженером человеческих душ.

Ни мелкое самолюбие, ни личная обида, ни болезненное ощущение постигшей неудачи не должны мешать писателю честно и прямо принять самую суровую критику и пересмотреть, если нужно, свое произведение.

С другой стороны, писатель, несомненно, имеет право возражать на критику и доказывать свою правоту, если он убежден в том, что не совершил ошибки, или если, соглашаясь с одной частью справедливых и верных критических замечаний, он отвергает другую часть — неверных, субъективных, вкусовых. Творческая дискуссия, активная борьба мнений и литературных вкусов необходимы для развития нашего искусства. И подобно тому, как ученый, защищая диссертацию или обосновывая научное открытие, спорит со своими оппонентами; подобно тому, как изобретатель добивается внедрения своего новаторского метода, доказывая его преимущества, так и писатель должен смело вступать в дискуссию, принимая и отвергая другие замечания критики. Только при условии активного, творческого восприятия критических замечаний может развиваться живая творческая жизнь в литературных организациях, может совершенствоваться мастерство нашей литературы.

Взыскательность художника проявляется не только в том, насколько тщательно работает он над своей рукописью до ее опубликования, но и в том, насколько он умеет продумать уже законченный труд, отбросить все помехи и предрассудки и для собственного роста, для блага родной литературы использовать могучую движущую силу социалистического общества, силу критики и самокритики.

Новое в телевидении

Сегодня — День радио. 58 лет назад выдающийся русский физик А. С. Попов продемонстрировал изобретенный им первый в мире радиоприемник. С того времени техника радиовещания и телевидения быстро идет вперед.

Многие москвичи, ленинградцы и киевляне уже давно смотрят телевизионные передачи. Количество зрителей телепередач значительно увеличится в связи с тем, что в ближайшие годы будут построены телевизионные центры еще в ряде крупных городов. Новые центры будут оснащены портативной и более чувствительной аппаратурой. Это позволит вести трансляцию с улиц, площадей, стадионов, предприятий.

Корреспондент «Литературной газеты» попросил заместителя министра связи СССР З. Топурия рассказать о ближайших перспективах телевидения в стране.

— Директивы XIX съезда Коммунистической партии по пятилетнему плану,— сказал он,— предусматривают дальнейшее развитие телевидения.

Будут построены новые телевизионные центры в ряде городов. В то же время получат большое развитие передачи изображения по проводам. Эти передачи можно будет принимать, не приобретая специальных аппаратов, на так называемые телевизионные «репродукторы».

Наша важнейшая задача — это решение проблемы передачи на большие расстояния и организация обмена программами между городами. Для этой цели мы думаем использовать междугородные кабельные магистрали и радиорелейные линии. Так, с помощью кабельной магистрали намечено устроить обмен программами между Московским и Ленинградским телецентрами.

Радиорелейные линии представляют цепочку приемо-передающих станций, работающих на высоких частотах и расположенных на расстоянии в 50—70 километров друг от друга на башнях стометровой высоты. Между станциями должна быть прямая видимость. Сигналы, посланные одной станцией, принимаются на другой, которая усиливает их и излучает в направлении следующей станции, и так по цепочке до пункта назначения.

Территорию телевизионного вещания можно значительно увеличить и с помощью самолетов, имеющих на борту радиопередающую аппаратуру. Одна такая установка обеспечит прием телевизионных программ на расстояние более трехсот километров.

Для высотных зданий, на которых невозможна установка индивидуальных антенн, устраиваются коллективные антенны для приема телевизионных передач.

ЧАСЫ И МИНУТЫ ВРАЧА

О. ДЖИГУРДА,
Э. МАКСИМОВА

1. Поликлиническое отделение Запорожской объединенной городской больницы № 3. Два часа дня. По лестнице, на ходу надевая белый халат, поднимается пожилая женщина. Это — врач-терапевт Мария Степановна Пасечник. Она входит в кабинет, где должна вести прием больных, но ее место за столом занято.

— Доктор, вам пора уходить, уже мое время.

— Ну, Мария Степановна, что же я могу сделать, у меня еще трое... Вы же знаете, я сама тороплюсь — ведь мне в два часа надо быть на участке...

Проходит пятнадцать минут, появляется медицинская сестра.

— Мария Степановна, освободился первый кабинет, переходите туда.

Мария Степановна торопливо собирается и идет на первый этаж. Начинается обычный очередной прием участкового врача...

14 часов 20 минут. Входит больной С. Он у врача впервые. Значит, нужно собрать и записать в историю болезни анамнез — «медицинскую биографию» пациента.

— Чем вы болели в детстве?

С. начинает вспоминать. Мария Степановна торопит его, подсказывает:

— Малярия была? Нет. А тиф? Когда болели?

14 часов 22 минуты...— На что вы жалуетесь?

— Да вот, доктор, в боку у меня что-то колет, кашель и головные боли сильные.

Авторучка врача бежит по бумаге, Мария Степановна пишет быстро, почти стенографически.

— Потом еще у меня...

— Раздевайтесь!

14.23 — Дышите. Еще, так... Глубже дышите, покашляйте!

В это время в коридоре раздается шум и в кабинет врывается какой-то паренек: «Мария Степановна, мне в 3 часа на работу, напишите мне рецепт, а то я старый потерял». Мария Степановна пишет рецепт — еще две минуты проходят.

14.26 — 14.29. Мария Степановна измеряет кровяное давление у пациента, записывает в историю болезни «объективные данные».

14.29 — 14.33. Это время уходит на то, чтобы написать направления на рентген, на анализы, выписать лекарство, записать пациента в книгу первичных больных, сделать пометку для себя: послезавтра больного надо будет посетить на дому — у С. оказался грипп.

— Следующий! — кричит Мария Степановна.

14.33. Входит маленькая аккуратная старушка.

— Здравствуй, Мария Степановна, здравствуй, голубушка, давно уже не была у тебя, да вчера вот...

Мария Степановна отвечает на приветствие и, пока старушка усаживается, быстро перебирает документы, лежащие на столе. Не найдя карты больной, она поднимается и бежит в регистратуру. Возвращается через три минуты.

14.36 — Ну, бабушка, — говорит она, обращаясь к старушке,— что беспокоит?

Пока та рассказывает, Мария Степановна, не поднимая головы, пробегает глазами историю болезни, часть она прочитывает, часть нет — у невропатолога ужасный почерк, а когда он торопится, вообще ничего не разберешь.

14.38 — Анализы сделали?

Старушка протягивает анализы, и Мария Степановна переписывает их в историю болезни.

Так как бабушке хочется многое порассказать, а времени у Марии Степановны в обрез, она советует: «Вы говорите и раздевайтесь». Но пациентка — человек медлительный. В это время врач заполняет историю болезни, слушая и записывая одновременно.

14.42 — 14.44. Мария Степановна осматривает больную.

— Ну, ничего опасного у вас нет. Обычная межреберная невралгия — лечить ее надо теплом. Анализ неплохой. РОЭ в норме.

— А это что такое РОЭ — не слыхала я...

Объяснять Марии Степановне некогда, хотя и не мешало бы это сделать, а то старушка еще бог знает что подумает: слова-то, правда, непонятные...

14.44 — 14.45. Запись в историю болезни.

14.45 — 14.47. Написаны рецепт, направление на процедуры и т. д.

14.47 — Следующий! На что вы жалуетесь?..

И так — до конца приема, до пяти часов. Чем ближе к пяти, тем больше Мария Степановна нервничает, тем чаще поглядывает на часы. Основания для волнений есть. Ровно в пять открывается дверь и входит врач:

— Мария Степановна, вам пора кончать...

— Знаю, знаю, ну еще минуточку — у меня уже мало осталось.

17.20 — Мария Степановна прощается с последним пациентом. Всего она приняла сегодня 22 больных...

Уже много лет встречает Мария Степановна Пасечник своих пациентов одним и тем же заботливым вопросом: «На что жалуетесь?». Давайте, наконец, спросим и у самого врача:

— А вы на что жалуетесь, Мария Степановна?

2. Займемся небольшими арифметическими подсчетами. Из трех часов — 180 минут, которые Мария Степановна провела в кабинете, она потратила на выслушивание и осмотр больных 33 минуты, на измерение кровяного давления 9 минут, заполнение и прочитывание историй болезни — 56 минут. И все остальное время, то есть без малого полтора часа, — на выписывание справок, направлений, переписку анализов. Всех необходимых записей Мария Степановна сделать не успела — остальное она закончит дома.

Но, может быть, это случайный подсчет? Может быть, у других врачей время распределяется по-другому? Вот хронометраж приема Марии Кузьминичны Сороковой. Она принимала три с половиной часа вместо положенных трех, у нее было 26 больных. Осмотр занял 45 минут, истории болезни — 70 минут, остальные полтора часа ушли на писание всевозможных направлений, бюллетеней и т. д.

Ясно, что и полтора часа Марии Степановны и полтора часа Марии Кузьминичны затрачены на трудоемкую работу, никак не требующую высшего медицинского образования,— ее с успехом могла бы выполнить медицинская сестра. Квалифицированная сестра — первый помощник врача, она может намного разгрузить участкового ординатора, дав ему возможность заниматься его прямым делом — лечением и профилактикой. Но на приеме у запорожских терапевтов сестры не бывают. Поэтому рассказать больному, где помещается лаборатория и аптека, вызвать очередного пациента, назначить время приема опоздавшему, ответить на десятки вполне законных вопросов — все это тоже должен сделать врач. А ведь каждый выслушанный вопрос и каждый ответ — это время, это драгоценные секунды, из которых складываются минуты и часы приема.

Медицинская сестра на приеме — это значит, что Мария Степановна могла бы затратить на осмотр больного вдвое больше времени, могла бы подробнее расспросить, тщательнее заполнить историю болезни, внимательнее прочитать предыдущие записи. Вот он — огромный резерв времени врача!

А сколько лишних записей ежедневно делает врач-терапевт!

Перед нами любопытный документ — толстая книга под названием «Медицинский учет и отчетность в городских больницах и поликлиниках». В предисловии говорится: «Новые формы работы медицинских учреждений, отраженные в отчетах, потребовали пересмотра и учетной документации... Дело учета медицинской работы становится обязанностью врача. Самый факт участия врачей в учете и подведении статистических итогов своей работы должен явиться немаловажным фактором в деле улучшения качества медицинской работы. Подводя итоги, врач должен анализировать свою работу, выявлять имеющиеся в ней недостатки и принимать меры к их устранению».

Но когда же, по мнению Министерства здравоохранения, должен врач «анализировать свою работу», если в его ежедневные обязанности входит заполнение: 1) историй болезни; 2) списка лиц, взятых на диспансерное обслуживание; 3) диспансерных карт; 4) книги записи больных, лечащихся на дому; 5) книги записи больных, подлежащих направлению в больницу; 6) дневника работы участкового врача; 7) санитарного паспорта единого врачебного участка; 8) сводки первичных больных; 9) листа для записи уточненных диагнозов... Каждый документ — это несколько вопросов, пунктов, параграфов.

В состоянии ли врач выполнить всю эту огромную работу во время приема или обхода больных? Естественно, что нет. Поэтому он вынужден делать ее дома — по черновикам или просто по памяти, иногда сразу за два-три дня, а то и за неделю. Говорить, что такая форма учета явится «немаловажным фактором в деле улучшения качества медицинской работы», значит не видеть истинного положения вещей.

Каждые шесть месяцев больницы сдают составленные по единой форме полугодовые отчеты. Для того, чтобы ответить на все вопросы отчета, в больнице № 3 составили специальную ежемесячно заполняемую карту. В ней 87 граф, 700 цифр. Чертит и заполняет эту полутораметровую карту статистик, но сведения дают врачи, за каждую из цифр отвечают они, а не статистик!

Для чего нужны эти десятки документов, сотни цифр? На это не могут ответить не только рядовые врачи, но и заведующая Запорожским городским отделом здравоохранения, депутат Верховного Совета УССР Матрена Митрофановна Рябец.

В прошлом году Матрена Митрофановна поставила вопрос о необходимости упростить и сократить документацию перед коллегией Министерства здравоохранения СССР. Коллегия вынесла решение: «...пересмотреть в IV квартале с. г. существующую учетную документацию для объединенных больниц в целях упрощения». Прошел уже не только четвертый квартал 1952 года, но и первый квартал 1953 года, а врачи попрежнему тратят часы на заполнение сводок, дневников, книг, и все это попрежнему делается за счет действительно важного, необходимого для успешного лечения документа — за счет истории болезни.

3. Посмотрите любую историю болезни, заполненную на приеме врачом. Не надо быть специалистом-графологом, чтобы увидеть, что эти записи делал нервный, торопившийся человек. История болезни, этот главный в судьбе пациента документ, пишется в спешке и в спешке читается: на то и другое у врача есть в распоряжении не больше 2—3 минут из тех десяти, которые полагаются по известным нормам министерства на одного больного...

Когда-то Вересаев писал в «Записках врача»: «Нет ни одной науки, которая приходила бы в такое непосредственно-близкое и многообразное соприкосновение с человеком, как медицина». Недаром врачи говорят: нет болезней, есть больные. «Распутать» болезнь, найти ее истоки, взвесив все «за» и «против», поставить диагноз, определить самый рациональный способ лечения — это еще далеко не все обязанности врача. Вести амбулаторный прием — это большое искусство.

Ведь каждый новый больной — это не только новая, неповторяющаяся болезнь, но и новый человеческий характер, новое настроение. За три часа амбулаторного приема врач должен «перестроиться» 20—30 раз. Одного больного следует подбодрить и успокоить, с другим, легкомысленно относящимся к болезни, надо быть строгим. Больной человек хочет подробно рассказать врачу о своих недугах, хочет узнать причину болезни, понять диагноз, получить исчерпывающие ответы на все вопросы о лечении, питании, режиме. А у врача не хватает на это времени. Некогда ему поговорить с пациентом, некогда и подумать над тем, что он рассказал.

10 минут — такова установленная Министерством здравоохранения СССР средняя норма времени на амбулаторный прием «терапевтического» больного. Много это или мало? Не мало, если десять минут отданы осмотру пациента и знакомству с его историей болезни. Мало, очень мало, если за эти десять минут надо успеть не только выслушать жалобы больного и осмотреть его, но и выписать рецепты, направления, заполнить многочисленные ведомости и сводки.

Нормы эти существуют без изменения 15 лет. За эти годы далеко вперед ушли медицинская наука и требования, предъявляемые к ней народом; изменилось все, кроме норм.

Но, разделив число минут, в течение которых вела прием Мария Степановна, на число больных, мы увидим, что и этих десяти минут у врача нет.

В чем же дело? Отчего так перегружен рабочий день не только врача Пасечник, а десятков и сотен других запорожских врачей?

За последние годы значительно выросла у нас культура населения, а вместе с ней и санитарная грамотность — это чувствуют все врачи. В большой мере они сами способствуют этому лекциями, беседами, советами. **Больных с каждым годом становится меньше... А пациентов больше!** «При малейшем недомогании обращайтесь к врачу»,— призывают плакаты и брошюры. И люди обращаются в поликлиники.

Растет санитарная культура, растут и требования. Люди сами просят назначить солюкс, провести курс лечения глюкозой, послать на рентген. Конечно, такая медицинская осведомленность может только радовать врача,— ведь как она увеличивает эффективность лечения, сколько болезней предупреждает, как облегчает работу! Облегчает и одновременно все-таки осложняет, ибо означает новых пациентов, которых надо будет успеть осмотреть в те же три часа амбулаторного приема.

Дома растут в Запорожье быстро. В прошлом году в городе было сдано в эксплуатацию 135 новых домов. А новые дома — это новые жильцы и, значит, новые пациенты. Было время, когда больница № 3 обслуживала десятки домов, а сейчас — их сотни. И вместо положенных 4 тысяч человек врачебные участки насчитывают здесь, как правило, 5—6, а то и 7 тысяч пациентов!

Мы не ошиблись, назвав всех жителей участка пациентами. **Не только лечить больных, но и вести врачебное наблюдение за здоровыми,— эта задача под силу лишь нашей советской медицине.**

В 1949 году было проведено объединение больниц с поликлиниками. В основе новой системы — обслуживание больного в поликлинике, в больнице и на дому одними и теми же специалистами. Идея, бесспорно, хорошая: работая в стационаре и на участке, врачи получают возможность лучше узнать течение болезни, наблюдать людей после выписки из больницы, видеть «отдаленные» результаты лечения. Врач должен лечить не случайных больных, а изо дня в день, из месяца в месяц наблюдать своих постоянных пациентов и нести за них полную ответственность. Он должен следить за их здоровьем, закалять их, предупреждать заболевания. Врач — ближайший друг населения своего участка. К «своему доктору» люди часто обращаются за советом, за консультацией. Его спрашивают, каким заниматься спортом, где лучше отдохнуть летом, как уберечься от простуды. Законом нашей медицины становятся массовые профилактические осмотры на заводах, в колхозах, в институтах и школах.

Ясно, что такая работа требует дополнительного резерва времени врача — и немалого. Однако это время не увеличивают, а иногда даже искусственно сокращают.

Вот и получается, что на практике хорошая идея объединения извращается, приводит к непосильной перегрузке врача.

А сколько врачей, если говорить словами приказа № 870 Министерства здравоохранения СССР, «отвлекается для выполнения различных заданий, не связанных с обслуживанием населения участка»! Врачей снимают с основной работы для различных консультаций, обследований, ревизий, снимают без всякого плана или графика: сегодня берут двух, а завтра — шесть человек. Заведующему объединением говорят в категорическом тоне: «Завтра терапевты третьего и четвертого участков, невропатолог и окулист будут работать по заданию райздравотдела... Что? Кого вам посадить на их место? А это уж вы сами решайте — на то вы и заведующий». И заведующий «решает» — дает двойную нагрузку оставшимся в больнице врачам. На следующий день терапевты и невропатолог возвращаются, зато горздравотдел забирает педиатра и хирурга, снова забывая о том, что часы, отведенные для приема и обхода больных,— святые часы, на которые никто не имеет права посягать.

А иногда врача-практика — обычно это бывает хороший, опытный врач — забирают не на день — два, а вовсе «переманивают» на работу в управленческий аппарат — сажают за письменный стол.

Все это и приводит к тому, что превосходная идея объединения порой даже приводит к отрицательным результатам.

Для участкового ординатора стало привычкой поминутное поглядывание на часы. Ведь провести лишние пятнадцать минут на участке — это значит сдвинуть прием, вызвать справедливое недовольство пациентов и задержать следующего врача.

А задерживаться, как мы видели, все же приходится. Ибо растет город, его население, растут требования и культура — растет и очередь перед кабинетом Марии Степановны Пасечник...

4. И еще об одном деле нельзя забывать — о научной деятельности практического врача. Кому же, как не ему, изо дня в день наблюдающему больного, заниматься обобщением и научным анализом? Каждый день, каждый прием приносит массу новых знаний, наблюдений, фактов. Хочется врачу, конечно, подумать, проанализировать, записать, сделать кое-какие выводы, но нет ни минуты свободной. Откладывает он на завтра, на послезавтра, на лето, на отпуск... А тем временем впечатления теряют остроту, факты стираются из памяти, поднявшиеся было вопросы забываются.

Повышение квалификации — вещь для врача необходимая. В медицине отстать нельзя — ведь здесь речь идет о здоровье и жизни человека. Повышению знаний лечащего врача и должны служить проводимые в больницах производственные заседания и конференции.

В больнице № 3 они обычно проводятся после рабочего дня и занимают три-четыре вечера еженедельно. Спору нет — и павловские «среды», и патолого-анатомические конференции, и совместные заседания терапевтов и педиатров, и цикловые занятия по специальности — вещи нужные и полезные. Но будем говорить прямо — в состоянии ли человек после 9—10 часов напряженной работы воспринять все, что говорится на таких заседаниях? Конечно, нет!

Главный врач больницы № 3 Андрей Семенович Деркач говорит, что у его коллег врачей этой больницы выработался своеобразный иммунитет против заседаний: они присутствуют, но не слышат. И это говорит главный врач, который сам созывает совещания!

На собрания секций научного медицинского общества почти никто из врачей больницы не ездит — невозможно даже раз в месяц найти три-четыре часа на такую поездку.

Где уж тут говорить о научной работе, если некоторые запорожские врачи неделями не берут книги в руки, не успевают просматривать медицинские журналы... И не забудьте, что большинство врачей — женщины, у них семья, дети, и, кроме служебных обязанностей, на них лежат и домашние заботы. Вот и получается, что работает Мария Кузьминична Сороковая с восьми утра до шести вечера, потом сидит на совещании два часа, потом приходит домой и садится дописывать то, что на приеме не успела, и лишь часов в десять вечера принимается за домашние дела. А где же взять время, чтобы книгу прочесть, в театр сходить, наконец, с сынишкой поиграть?..

Да, на все это дня не хватает. Но, когда речь идет о больном, сколько бы пациентов ни сидело в приемной, сколько вызовов на дом ни лежало бы в регистратуре, врач не считается с лишним часом работы, со своими домашними делами, с отдыхом. «Что же делать,— разводит руками Мария Степановна Пасечник, — ведь меня люди ждут, больные люди»...

***

А между тем уже сегодня, не дожидаясь новых врачей и разукрупнения участков, можно сделать многое, что значительно облегчит и упростит труд рядового врача.

По нашему мнению, следует дать участковому ординатору помощника — медицинскую сестру, да такую, которая существовала бы не только на бумаге, в штатном расписании, а рядом с врачом, в его кабинете на приеме и во время обхода больных на дому.

Безусловно, надо сократить, конечно, без ущерба для дела, **количество документов, которые обязан ежедневно заполнять и составлять врач.**

Надо пересмотреть организационные формы работы объединенных больниц,— остановить ежедневный «бег» врачей из стационара на участок и с участка в поликлинику.

И, наконец, нужно, чтобы Министерство здравоохранения СССР не только подготавливало, изучало и обдумывало, но **и разрешило все эти наболевшие вопросы.**

ЗАПОРОЖЬЕ

СИЛА ПРИМЕРА

Александр Гиталов — человек атлетического сложения, широкоплечий, высокий, с твердой походкой и уверенными движениями. Все в нем выдает человека сильной воли. Мы видели его в поле у трактора, который на уменьшенном газу подрагивал всем корпусом, пока разговаривали бригадир и тракторист Илья Кравчук. Гиталов инструктировал тракториста. И в каждом его движении и в спокойном взгляде ясных глаз чувствовалось: этот человек умеет вести за собой людей. Перед нами предстал, как принято говорить, настоящий командир производства.

И вспомнилось, каким мы его увидели лет пять назад.

Это было в Киеве, на республиканском совещании передовиков сельского хозяйства. На трибуне сменяли один другого прославленные мастера высоких урожаев, Герои Социалистического Труда, директоры МТС, научные работники, имена которых знала вся Украина, весь Советский Союз. После выступления Прасковьи Ангелиной председательствующий предоставил слово бригадиру тракторной бригады с Кировоградщины. Многие не расслышали его имени, да и вообще это имя никому ничего не говорило.

Но вот Гиталов вышел из-за кулис и остановился у трибуны. Она оказалась ему по пояс. В том, как он стоял у самого края трибуны, как плетьми опустил руки и боялся пошевельнуть ими, как срывающимся монотонным голосом произносил ранее подготовленную речь, избегая встретиться взглядом с тысячной аудиторией, чувствовалось: не привык Гиталов к такой обстановке и думает сейчас только об одном: как бы поскорее закончить и уйти со сцены, затеряться среди людей.

В зале заметили его смущение.

— Экий дядя, медведю щелчком ребро выбьет, а людей стесняется,— произнес кто-то.

Но сбивчивая речь бригадира все-таки произвела впечатление. Все его трактористы имели большую выработку, мастерски эксплуатировали машины и, что особенно понравилось слушателям, заботились о высокой агротехнике.

Сидевший в президиуме совещания Никита Сергеевич Хрущев задал Гиталову несколько подбадривающих вопросов: служил ли он в армии, награжден ли, какие обязательства взяла бригада по выращиванию озимой пшеницы и сахарной свеклы? А затем предложил ему посоревноваться с Пашей Ангелиной.

Надо было видеть Александра Гиталова за сценой, когда совсем упавшим голосом он робко попытался отказаться: куда, мол, рядовому трактористу до Ангелиной.

Перед Прасковьей Никитичной, смотревшей на него снизу вверх, Гиталов сперва оробел. Крепким пожатием руки Ангелина помогла ему преодолеть смущение, и договор был подписан.

И тогда бригадир трактористов шутливо сказал:

— Ну, разобьюсь в лепешку, а догоню Ангелину!..

Чтобы скрепить дружбу, Гиталов весною собрался в путь — из Кировограда в Сталино. Паша Ангелина показала ему видавшие виды колесные тракторы «ХТЗ». У каждой машины, не прерывая разговора, Гиталов настороженно прислушивался, однако его натренированный слух не мог уловить ни малейших перебоев в работе моторов — ангелинские девчата были отличными мастерами.

Возвратился домой Гиталов неузнаваемым. В жизни каждого человека бывает такой переход к зрелости. Исподволь накапливавшиеся, созревавшие силы вдруг прорываются наружу, и перед вами предстает человек преображенный, в расцвете сил и энергии. Так ночью в поле тлеет, мерцая под серой пленкой золы, маленький огонек, и, кажется, ни за что не зажечь ему разложенную над ним и уже давно просохшую охапку дров. Но подул ветерок, и огонек заискрился, вспыхнул...

Организаторские способности в Гиталове пробудило неожиданно завязавшееся соревнование с Ангелиной. Быстро поднялся он во весь свой большой рост.

Партийная организация Мало-Помощнянской МТС раскрыла перед Гиталовым новые горизонты, помогла ему расширить технический кругозор, и он из мастера-самоучки стал высококвалифицированным бригадиром механизаторов, чудесным организатором, страстным пропагандистом производительного использования техники во имя дальнейшего роста и процветания социалистического сельского хозяйства.

— Поездка к Ангелиной,— рассказывает Гиталов,— ободрила меня. Я вдруг почувствовал, что и сам могу работать так, как Паша.

Любопытная вещь, Гиталов даже не догадывался, что за его поездкой к лучшей трактористке страны следили все механизаторы области, с нетерпением ожидая его возвращения. Редакцию областной газеты буквально забрасывали письмами. А он прямо с поезда, не заезжая домой, отправился в поле, обошел трактористов, ознакомился с выработкой каждого.

После статьи в газете о поездке в Сталино, к Гиталову посыпались письма. Трактористы хотели знать, что он видел у Паши Ангелиной («то, что написано в газете, уже прочли, а только там же, мабудь, не все прописали»), просили рассказать, как он добился в прошлом году выработки на трактор по 1.216 гектаров и что выйдет в этом году, требовали яснее изложить опыт реставрации деталей («сам знаешь, запасных частей нема, как чуть что — сразу простой»). И между строк этих писем Гиталов читал, как наши люди в каждом уголке страны болеют душой за то, чтобы скорее поднять сельское хозяйство, и какой замечательный подъем царит среди механизаторов.

Вскоре Гиталов уже мог назвать пятьдесят бригадиров тракторных бригад, с которыми у него завязалась постоянная переписка. К концу года выработка на трактор возросла у гиталовцев до 1.874. Бригада заняла первое место в области. На областном совещании Гиталов огласил список пятидесяти своих корреспондентов и пригласил их начать общее соревнование. Предложение одобрили. Борьба за первенство развернулась, вокруг пятидесяти начали группироваться другие, и на следующий год уже было объявлено, что соревноваться с Гиталовым изъявили желание 300 бригад.

Гиталову было присвоено звание Героя Социалистического Труда. И вот началось паломничество в Мало-Помощнянскую МТС: ехали директоры МТС, инженеры, механики, бригадиры тракторных бригад, а то и бригады трактористов в полном составе. На машинах мчались они в село Камышеватое, чтобы лично убедиться в силе передовиков, поучиться их опыту.

Одни, едва соскочив с машины и поздоровавшись, шли к урчавшим в поле тракторам — поглядеть, послушать, как они работают. И, как некогда Гиталов у Ангелиной, дивились мастерству. Другие окружали Гиталова, его помощника, учетчика, завязывали технические беседы, расспрашивали, как экономится горючее, как проводится ежесменный технический осмотр машин, как лучше пахать — в свале или в развале... Третья группа шла туда, где тракторы работали вчера и позавчера. Вдоль и поперек исхаживали поля, и ни один агроном не принимал работу с большим пристрастием, чем эти приезжие трактористы. Сочетать такую высокую производительность машины с отличным качеством пахоты — многим это просто казалось невероятным!

С каждым днем, с каждым месяцем у Гиталова возрастала ответственность за судьбы соревнующихся. Установив, что у соседних бригадиров Ветрова и Колесника что-то не ладится с ремонтом, он садился на двухколесную бричку и торопился помочь им на месте. Увидев, что бригада Боера из Семпастовской МТС оказалась на последнем месте, он собрался в соседний район, чтобы выяснить, в чем дело, проверил машины, наладил взаимоотношения между бригадиром и директором МТС. Затем выдержал форменный бой с трактористами Ровнянского района за предплужники. Ребята почему-то не признавали их...

В соревнование включались все новые люди. Оно разрасталось. Чтобы помочь товарищам, Гиталов одну за другой издает четыре книжки об опыте — рассказывает, как добиться повышения производительности машин, как организовать работу в тракторной бригаде, как выращивать в содружестве с полеводами высокие урожаи зерновых и технических культур.

Однажды среди трактористов Песчано-Бродской МТС, приехавших в Камышеватое, Гиталов заметил скромно державшегося в стороне, высокого белоусого мужчину с живыми, проницательными глазами. Он стоял, опираясь на костыль. Ни с кем не заговаривал, ни о чем не спрашивал — только внимательно слушал.

— Кто это?—спросил Гиталов директора МТС.

— Наш новый бригадир Николай Ключка. Сапожничал сначала, а потом взбунтовался. Я, говорит, тракторист, а вы меня не хотите к машинам пускать. «Да как же,— говорю,— ты муфту сцепления на «У-2» будешь выжимать? Левой-то ноги, говорю, у тебя нет?». А он отвечает: «Правой научился». И, правда, научился. В прошлом году первое место по МТС занял. Вот и выдвинули его бригадиром.

Гиталов подошел к Ключке. Пожали друг другу руки, поглядели друг другу в глаза и с той поры подружились. В характере обоих нашлось много общих черт: напористость, уважение к людям, любовь к технике, воля к победе. Бригадир Ключка оказался очень серьезным «соперником».

Четыре раза ездил Гиталов в гости к Николаю Ключке. Собирал трактористов, беседовал с ними, делился опытом. А когда уезжал, Ключка и хлопцы удивленно допытывались:

— Что ему нужно? Неужто хочет, чтобы мы его обогнали?

В прошлом году таких, как Ключка, на Кировоградщине уже было немало. В соревновании с Гиталовым выросли Иван Кузьмивич из Карбовской МТС, Александра Козырь — бригадир женской тракторной бригады в Новгородковском районе, Иван Аношкин и Павел Щирский в Ново-Украинской МТС и многие другие механизаторы.

Но среди тракторных бригад области, которые соревнуются с Гиталовым, особое место заняли Николай Ключка и его друзья-трактористы. В содружестве с полеводческой бригадой Ивана Адаменко они в колхозе «Червона зірка» на пять центнеров перекрыли гиталовский урожай зерновых, собрали озимой пшеницы по 32,5 центнера с каждого гектара посева на площади 389 гектаров, на три центнера собрали больше подсолнечника, а сахарной свеклы дали столько, сколько Гиталов еще не собирал,—по 341 центнеру с 35 гектаров...

Вступая в ряды великой Коммунистической партии, Гиталов поклялся отдать все свои силы делу укрепления колхозного строя. Жизнь показала, как много может сделать человек, когда он ясно видит цель, твердо знает свои обязанности, когда он трудится страстно и вдохновенно.

Павло ОРОВЕЦКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Ново-Украинский район,
Кировоградской области

Около ста человек занимается в изостудии, созданной пять лет назад при клубе московской трикотажной фабрики «Красная заря». За это время студийцы достигли хороших успехов. Лучшие их работы экспонировались на Московской городской выставке самодеятельного изобразительного и прикладного искусства рабочих и служащих. НА СНИМКЕ: токарь Г. Осипов (слева) и монтер Ю. Федоров на уроке рисунка. Занятия ведет художник Б. Коротков.

Фото М. ХАРЛАМПИЕВА и В. КУНОВА

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Бывшим влюбленным

Как берут порою на работу,
Даже документов не спросив,—
Так, бывает, женятся в два счета,
Город весь на свадьбу пригласив...

...Уж не выражает удивленья
Мой сосед, живущий за стеной,
О разводах новых объявленья
Прочитав в газете областной.

Он их, напечатанные тесно,
Пробегает в несколько минут,
В них ему одно лишь интересно:
Может быть, знакомые мелькнут.

А потом обычно при народе,
Засветло собравшемся туда,
Слушается дело о разводе,
слушается дело о разводе,
слушается дело о разводе
В здании народного суда.

И частенько вовсе не смущенно,
А как будто все идет на лад,
Бывшие стоят молодожены,
Бывшие влюбленные стоят.

И хотя одуматься не поздно,
Разойтись решаются они
Так же быстро, так же несерьезно,
Как женились в давешние дни...

Милые! Немного погодите!
Не спешите, право, хоть сейчас.
Вы в глаза друг другу поглядите,—
Все ль уже проверено у вас?..

...Было б мне наградою в работе,
Взяв газетный лист очередной,
Увидать, что меньше о разводе
Объявлений стало предо мной.

Что стихотворение вот это,
В меру сил работая своих,
Вытеснить сумело из газеты
Объявлений несколько таких...

Константин ВАНШЕНКИН

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПОЧЕМУ ИЗДАТЕЛЬСТВА МАЛО ПОЛЬЗУЮТСЯ МАТРИЦАМИ?

В нашей стране художественная литература издается огромными тиражами. Спрос на нее очень велик. За книгами стоят очереди, а при подписке на собрания сочинений классиков и современных писателей книжные магазины буквально осаждают толпы людей. Такого спроса на книги нет, конечно, да и не может быть ни в одной капиталистической стране.

Из года в год увеличиваются число названий и тиражи книг, улучшается качество их оформления и полиграфического исполнения. В прошлом году были значительно снижены цены на книги.

Надо отметить, что большинство книг у нас переиздается помногу раз центральными и местными издательствами. Только за последние два года роман Н. Никитина «Северная Аврора» вышел шестью изданиями, не считая «Роман-газеты». Книга Э. Казакевича «Весна на Одере» в 1950—1951 гг. выходила двенадцать раз; книга Е. Мальцева «От всего сердца» в 1949—1951 гг. была издана семнадцать раз...

Однако до последнего времени наблюдалось такое явление, когда одна и та же книга столько же раз набиралась в типографиях, проходя все стадии редакционно-издательской обработки, сколько раз ее издавали. Надо ли говорить, что это приводит к непроизводительным тратам, увеличивающим себестоимость изданий. А ведь можно изготовить несколько экземпляров матриц и затем, при переизданиях, печатать с них. Это позволило бы сэкономить большие средства, более рационально использовать полиграфическую базу и редакционный аппарат и при изданиях книг советских писателей и при переизданиях классиков. В самом деле, не противоречит ли элементарному здравому смыслу то, что при переиздании «Анны Карениной» в 1949—1953 гг. ее десять раз заново набирали, а переиздавая «Воскресение», набор (и, конечно, корректуру) делали шестнадцать раз?

Печатание переизданий с нового набора в ряде случаев снижает и качество книг. Так, Латвийское государственное издательство в 1949 году выпустило двухтомное издание «Анны Карениной» под редакцией тов. Дукур (приложен список двух замеченных опечаток). В 1950 году в Риге еще раз набирали эту же книгу, но уже под редакцией тов. Головина. Список опечаток в ней возрос до двадцати!

Переработанный вариант романа А. Фадеева «Молодая гвардия» за короткое время вышел четырьмя однотипными изданиями: в конце 1951 года в издательстве «Молодая гвардия», затем в Военииздате, снова в «Молодой гвардии» (с нового набора!) и, наконец, в Детгизе.

Чем сможет аргументировать дирекция издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» свое распоряжение типографии дважды на протяжении одного полугодия заново набирать книгу А. Фадеева? И стоило ли ради нескольких незначительных стилистических правок (общим объемом в 1/2 страницы) заново набирать книгу в Детгизе.

Редко, весьма редко издательства прибегают к печатанию с готовых матриц. Правильно поступил Лениздат—книгу «Вольница» Ф. Гладкова здесь отпечатали с матриц Гослитиздата. Но зачем же понадобилось два раза на протяжении 1951 года эту книгу набирать для издательства «Советский писатель»? Для чего ленинградское отделение издательства «Советский писатель» дважды набирало в типографиях № 3 и № 4 роман Н. Никитина «Северная Аврора»? При этом набор производился одновременно и оба издания редактировал один и тот же А. Троицкий...

К каким непроизводительным расходам приводит многократный набор книг, видно из следующего примера: в романе Э. Казакевича «Весна на Одере» свыше двадцати трех учетно-издательских листов. Как мы уже говорили, эта книга заново набиралась двенадцать раз, следовательно, было набрано в общей сложности 280 печатных листов, что по объему равно четырнадцатитомному собранию сочинений Л. Н. Толстого.

Порочная практика параллельной работы различных издательств над одними и теми же произведениями продолжается и по сей день. Так, в начале 1953 года Детгиз и «Молодая гвардия» выпустили одновременно трилогию В. Беляева «Старая крепость» однотипными изданиями (объем 42 листа). Даже такие крупнейшие издательства по выпуску художественной литературы, как «Советский писатель» и Гослитиздат, подчас дублируют друг друга. Так, например, роман-хроника М. Стельмаха «Большая родня» (объемом почти в 60 листов) вышел в конце прошлого года одновременно в этих двух издательствах массовыми тиражами, одинаковым форматом, с разных наборов. И таких примеров можно привести десятки.

Этому надо положить конец! Матрицирование готового набора при помощи мягкой бумажной массы, как технологический процесс, удешевляющий и ускоряющий массовую печать, позволяющий сохранять и транспортировать набор, было изобретено в середине прошлого века (задолго до автомобиля, кино и радио!). Не пользоваться этим техническим способом — значит проявлять столетнюю отсталость.

Нам кажется, что только одному из издательств следует предоставлять право вести редакционную работу по данной книге (по одной книге это будет «Советский писатель», по другой—Гослитиздат и т. д.). А другие издательства при необходимости смогут печатать дополнительный тираж по матрицам основного издания. Это сэкономит государству миллионы рублей, разгрузит типографии и издательства от ненужной работы, улучшит качество изданий.

В связи со всем этим хотелось бы поставить вопрос о создании и сохранении единого государственного фонда матриц художественной литературы. На наш взгляд, это было бы очень полезно.

О. ЭРАСТОВ

МОСКВА

По следам неопубликованных писем

В «Литературную газету» поступило письмо с жалобой на грубое отношение к подчиненным со стороны некоторых руководящих работников треста «Ростовшахтострой».

Редакция направила этот сигнал в Ростовский областной комитет КПСС. Как сообщили нам из обкома, критиковавшийся за грубость главный механик треста «Ростовшахтострой» тов. Вегера признал свои ошибки и заверил, что он в дальнейшем не допустит подобного рода ошибок. Тов. Вегера предупрежден о строгой партийной ответственности при повторении таких поступков. Начальник отдела технического снабжения треста тов. Серебряников, также позволявший себе грубить подчиненным, освобождается от работы.

Мастерство поэта

Ан. ТАРАСЕНКОВ

Некрасов — великий революционный демократ в поэзии, певец народа, его передовых чаяний и устремлений, поэт, с гневом изобличавший бар-крепостников и их прислужников — либералов. Творчество Некрасова относится к тому ряду явлений прошлой русской жизни, о котором писал И. В. Сталин: «Всё это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса».

Поэтика Некрасова — поэтика критического реализма в одной из высших точек его развития, поэтика беспощадно правдивого изображения жизни такой, какой она была в ту историческую эпоху.

Некрасов не противостоит Пушкину. Он его прямой наследник. И в то же время творчество Некрасова — качественно новый этап нашей литературной истории.

И Пушкин и Некрасов — вечно живые начала нашей поэзии. Отказ от обращения к ним, к их опыту, к их поэтической речи решительно обедняет творчество тех современных поэтов, которые занимаются подобным самообкрадыванием. Тема мастерства Некрасова в нашей критике — это всегда животрепещущая тема.

Его поэтическое мастерство не раз являлось предметом исследования. Скрупулезно изучали литературоведы особенности ритмики Некрасова, устанавливали ее преимущественно дактилический характер, в противоположность ямбо-хореической системе Пушкина и Лермонтова, исследовали прозаизмы Некрасова, принципы его стихотворческого живописания, его связь со стилевыми особенностями русского фольклора, присущую ему песенность. И, однако, многие стороны мастерства Некрасова оставались невыясненными или выясненными однобоко, неверно. Поэтику Некрасова часто толковали то в духе вульгарного социологизма, то с точки зрения откровенного формализма. То пытались установить прямую зависимость некрасовской стилистики от крестьянской идеологии поэта, наивно усматривая ее в том, что в стихах Некрасова огромную роль играют сравнения с домашними животными, птицами, утварью. То считали главным в поэтике Некрасова вопрос «о прозе, о прозаизме поэта» и усматривали его новаторство в «сдвиге старой формы», в пародировании классических образцов. Несостоятельной была и предпринятая когда-то К. Чуковским попытка свести особенности поэтики Некрасова к заунывным, плачущим, мучительно рыдающим интонациям (К. Чуковский. «Некрасов, как художник», П. 1922).

Нужны были долгие годы развития советского литературоведения, нужны были жестокие бои с вульгарным социологизмом и формализмом, чтобы, наконец, исследование поэтики, мастерства Некрасова встало на верный путь. Эти годы не прошли даром и для К. Чуковского. Его новая книга «Мастерство Некрасова» выгодно отличается от прежних его работ. Перед нами исследование, в котором автор решительно пересмотрел свои прежние взгляды, — исследование, не лишенное просчетов и недостатков, но принципиально новое для его автора и, что особенно важно, двигающее вперед нашу науку о Некрасове.

В книге «Мастерство Некрасова» нет прямой полемики с К. Чуковским, автором книг о Некрасове, выходивших в двадцатые и тридцатые годы. Нет в ней и самокритики — ясной, прямой. Об этом следует пожалеть, в этом следует упрекнуть автора. Хотя бы коротко о своих прошлых ошибках Чуковский должен был сказать, раз он их понял и от них отказался.

Новая книга К. Чуковского о Некрасове — результат многолетней работы автора, как литературоведа и текстолога. Это серьезное и продуманное исследование. Прежнее стремление к нарочитой оригинальности сменили теперь углубленный историзм, добросовестное изучение материала.

К. Чуковский убедительно раскрывает совершенство формы поэзии Некрасова, разоблачая тех лжедрузей и лжепоклонников поэта, которые уверяли, что Некрасов ценен вопреки своему «слабому» поэтическому мастерству. В открывающих книгу больших, обстоятельно написанных главах «Пушкин» и «Гоголь» исследователь стремился показать, что Некрасов возник в истории русской литературы не на голом месте, что он крепко связан с традициями своих великих предшественников. В противовес тому ложному противопоставлению Некрасова Пушкину, которым грешили народнические критики, в противовес тому не менее ложному противопоставлению Пушкина Некрасову, которое было характерно для литературных эстетствующих бар, Чуковский подчеркивает огромную роль Пушкина и Гоголя, как духовных отцов Некрасова. Опираясь на Белинского, Чернышевского и Добролюбова, Чуковский трактует Пушкина, как поэта-гуманиста, близкого к революционным идеям декабризма. Творчество Пушкина определило развитие Гоголя — критического реалиста, а далее и Некрасова, говорит литературовед. Чуковский убедительно подчеркивает все те стороны поэзии Пушкина, которые вполне гармонировали «с революционной этикой шестидесятых — семидесятых годов, утверждавшей святость и нравственную красоту героической гибели в неравной борьбе с угнетателями во имя грядущей победы».

К. Чуковский разоблачает тех, кто, подобно нововременцу В. Розанову, заявлял, будто Некрасов «человек без памяти и традиций». Подчас спорно сопоставление отдельных строк Некрасова с отдельными строками Пушкина, где исследователь видит совпадение, сходство, зависимость, а то и подражание. Конкретных совпадений и подражаний у Некрасова меньше, чем это кажется увлекающемуся и увлеченному Чуковскому. Но дело не в том или ином спорном примере, а в основном направлении мысли Чуковского: передовая русская литература развивалась не путем отрицания прошлых этапов своего развития, а вбирая их и обогащаясь ими.

Жаль, что талантливой книге К. Чуковского не хватает глубокого разговора о посленекрасовском периоде развития русской поэзии, особенно о поэзии советской эпохи. После недавней дискуссии о книгах, посвященных творчеству Маяковского, дискуссии, в ходе которой так явственно обнаружилась несостоятельность трактовки его творчества вне живой преемственной связи с Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым, такой разговор обязательно должен состояться. Крайне важно установить характер творческого влияния, которое Некрасов оказал на Маяковского и — в ином плане — на Демьяна Бедного. Сложно и многообразно оно преломилось в творчестве наших современников. Если, например, некрасовское влияние на А. Суркова выразилось преимущественно в высокой гражданственности стихотворного строя и лада, в суровом реализме описаний, то М. Исаковскому особенно близка песенная стихия некрасовской музы, а А. Твардовскому — лукавый народный юмор некрасовской поэтической речи, ее связь с фольклором, ее разговорно-интонационные особенности.

Несмотря на отсутствие в книге К. Чуковского непосредственного обращения к опыту советской поэзии, принцип ее построения, ее хорошо продуманный историзм наталкивают на подобные выводы. Это уже хорошо. Это свидетельствует о начале преодоления того отрыва от современности, которым так часто грешат многие историки литературы.

Книга Чуковского хороша своей конкретностью, своей предметностью, осведомленностью автора, тем, что его выводы не произвольны, что они всякий раз опираются на серьезную фактическую основу. А ведь разговор о мастерстве только тогда и имеет цену, когда он предметен.

К. Чуковский показал на живых поэтических примерах творчества Некрасова, что великому поэту были равно чужды расплывчатая неопределенность фетовско-майковской манеры и та грубая прозаичность, которая стирает грань между истинной поэзией и газетным фельетоном. Прозаизм, как таковой, сам по себе для Некрасова цены не имел. Конечно, его поэзия в противовес слащавой поэзии барски-эстетского лагеря была полна зримыми, реальными деталями конкретного мира. Но это было нужно великому поэту не для «пародирования» высоких образцов, как доказывали формалисты, а для воссоздания объективной реалистической картины жизни современного общества.

Чуковский подробно обосновывает известную мысль Некрасова: «...важен в поэме стиль, отвечающий теме».

Творчеством Некрасова руководило сознательное желание найти художественные средства, способные выразить мысль поэта, его отношение к описываемому предмету или явлению. Чуковский показывает, как одни за другими поэт отбрасывает выразительные эпитеты, образы, удачные сами по себе, но не способствующие раскрытию идейного замысла в целом. Рассказывая о работе Некрасова над поэмой «Кому на Руси жить хорошо», автор делает верный вывод: в борьбе за подлинно типическое поэт сознательно заостряет образ, отказывается от случайных, не идущих к делу деталей.

Книга Чуковского принесет большую пользу нашим поэтам. Она воочию показывает работу крупнейшего мастера русского стиха над первоэлементом поэзии — языком. Этот показ тесно связан с раскрытием идейного замысла, с содержанием некрасовского творчества. Доходчивость, общедоступность, простота художественной формы Некрасова выступают в книге, как результат того, что Некрасов обращается к широкой народной аудитории, что он — поэт революционной демократии. Чуковскому удалось связать анализ формы Некрасова с идейным существом его поэзии.

Опираясь на труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, автор книги «Мастерство Некрасова» стремится развенчать тех вульгаризаторов, которые, считая язык Некрасова надстройкой над феодально-крепостническим базисом, «пытались поставить всю лексику и фразеологию Некрасова в прямую зависимость от того места, какое поэт занимал в классовой борьбе своего времени». Чуковский раскрывает, как Некрасов пользовался многообразием общенационального русского языка, как он умел заставить слово служить той идейной борьбе, которую он вел против крепостников и либералов. Ряд примеров, которые приводит здесь Чуковский, несомненно, убедителен. Но в то же время нужно предостеречь исследователя. Иногда он настолько увлекается анализом роли какого-либо одного слова, что придает ему неправомерно широкое значение, делает слишком вольные, недостаточно обоснованные выводы. Так, он приводит ряд отрывков из стихов и поэм Некрасова, где широко используются глаголы будущего времени. Но можно ли на основании частого употребления поэтом тех или иных грамматических форм делать выводы идейного характера, пытаться объяснить ими специфику некрасовского стиха? Здесь Чуковский делает уступку тем вульгаризаторам, против которых сам борется. Основываясь на сумме примеров с глаголами будущего времени, он говорит: «Таково было органическое свойство поэзии Некрасова: изображая, как живет в настоящее время тот или иной человек, Некрасов на основе его настоящего мысленно конструировал самую суть его будущего... Эти предсказания — в большинстве случаев очень безрадостные — чаще всего появлялись в конце его стихотворных новелл в качестве неизбежного вывода из того, что было сказано выше».

Думается, что здесь К. Чуковский не удержался в пределах подлинной научности. Будущее время глагола — одна из коренных особенностей грамматического строя. Ею в равной мере пользовались поэты самых различных идейных направлений, самых различных времен и классов. Говоря о мастерстве Некрасова, Чуковский иногда увлекается деталями, характерными, но не определяющими существа стиля поэта.

Убедительно разбирает автор влияние фольклора на творчество Некрасова. Он не просто регистрирует, как та или иная поговорка, как то или иное народное присловье или загадка вошли в стихи Некрасова, он каждый раз прослеживает, как видоизменяется фольклорный элемент в живой ткани некрасовских строк, как он переосмысливается и получает новую жизнь, как отсекает Некрасов омертвевшие слова, освобождая то или иное явление народной поэзии от архаики, как он заставляет старые слова жить новой жизнью, как он борется с теми элементами рабской психологии, которые нашли себе отражение в отдельных песнях, поговорках.

Удачна своей предметностью глава, посвященная разбору одного из гениальнейших некрасовских стихотворений — «Железная дорога». К. Чуковский показал, что даже одно стихотворение, когда оно взято в широкой исторической раме, когда текст его не просто разобран «по косточкам», а осмыслен и проанализирован исторически, может дать материал для серьезных и веских выводов. Автор правильно показал, что сила этого произведения великого певца революционной демократии — в широте его обобщений, в образном раскрытии существа чудовищных буржуазно-помещичьих порядков пореформенной Руси в целом. Но и в этом анализе есть уязвимые, неверные моменты. Нельзя произвольно характеризовать стихотворение Я. Полонского «На железной дороге», как «отрывистые, раздребезженные анапесты», а стихи А. Фета под таким же заглавием, как «спокойные, уверенные ямбы». Ни дребезга в ритмах Полонского, ни уверенности (в чем уверенности?) в ямбах Фета найти при всем желании невозможно. Здесь опять-таки, как это бывает с К. Чуковским, он импрессионистичен, он покидает почву научного исследования.

Книга К. Чуковского со всей очевидностью показывает, как нужен, как назрел конкретный разговор о мастерстве в нашей поэзии. Исследователь приоткрыл перед нами лишь некоторые из сторон поэтики Некрасова, и они заиграли удивительно живыми красками. А ведь какое богатство тем для исследователя поэтического мастерства подсказывает практика советской поэзии, многообразное и такое несхожее по своему характеру мастерство лучших ее представителей.

В нашей критике и литературоведении необходима большая исследовательская работа над поэтическим мастерством не только Некрасова, но и других замечательных русских поэтов прошлого. Необходимо всестороннее изучение проблем мастерства советской поэзии, наследующей все подлинно великое и подлинно драгоценное в поэзии минувших веков.

Корней Чуковский. «Мастерство Некрасова». Гослитиздат. 1952. 642 стр.

ЧИТАЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ ПРОЗАИКОВ...

ОКНО В БОЛЬШОЙ МИР

Великий Октябрь, освободив от двойного — классового и национального — угнетения народы бывшей Российской империи, возродил их к жизни и дал им новое развитие. Когда читаешь произведения, написанные поэтами, говорящими от имени этих освобожденных народов и народностей, слышишь в них голос человека, который не только вместе со своим народом вышел на просторы социалистической жизни, но и поднялся до высоты забот о судьбе всей страны. Будь то бурятский поэт Цыдэн Галсанов, который в первомайское утро «в ранней тиши с китайцем и негром, со всею землей разговаривает от души», будь это якутский поэт Элляй, обращающий свой голос к народу борющейся Кореи или к бастующим горнякам Франции,— вы ощущаете в их творениях свободное дыхание и широкий кругозор, которые могли родиться только у людей, поднятых на небывалую высоту нашим советским строем.

Устами своих писателей эти народы стремятся рассказать о радости своего возрождения и расцвета. Истории молодого якута Никиты Ляглярина, ставшего одним из первых представителей якутской советской интеллигенции, посвящен роман Н. Мординова «Весенняя пора». Герой рассказов кабардинского писателя Хачима Теунова «Золотое утро» и «Новый поток» Аслануко уже не знал гнета старой жизни, он — пионер в 20-е годы, инженер, преобразующий свой край,— в 30-е. Башкирский писатель Акрам Валеев написал роман «Первые шаги» о том, как в жестокой классовой борьбе с кулаками и буржуазными националистами формировался характер юного Булата Давлетова и его товарищей — первых студентов-башкир...

Радостью приобщения к большому свободному миру проникнуты и рассказы чукотского писателя Рытхэу.

Чукчи принадлежали к числу наиболее отсталых народностей и были спасены социалистической революцией от кабалы американских торгашей и от физического вымирания. Само по себе появление чукотского писателя — событие знаменательное.

Двадцатидвухлетний комсомолец из Уэлена, студент Ленинградского университета, Рытхэу начал печататься на родном языке в 1950 году, а в русских изданиях — в 1951 года.

Особого внимания заслуживают два его рассказа, опубликованные в «Новом мире» (№ 12 за 1952 г.), а сейчас вошедшие в книжку Рытхэу «Друзья-товарищи» (Библиотека «Огонек», № 9 за 1953 г.).

Сюжеты обоих рассказов Рытхэу (авторизованный перевод А. Смоляна) не сложны. В рассказе «Окошко» повествуется о том, как сыновья старого Гэмалькота — молодой колхозный бригадир Унпэнэр и школьник Йорэлё — решили сделать окно в извечно темном, освещаемом жирником жилище чукчей — яранге, как Гэмалькот, привыкший к старому укладу жизни, противился этому, а потом увидел, как хорошо, когда в яранге светло. Сюжет второго рассказа раскрыт в его заглавии: «Тэгрынэ летит в Хабаровск». Чукотская девушка, окончившая среднюю школу, отправляется учиться в педагогический институт.

В рассказах Рытхэу есть то, без чего немыслим подлинный художник: уменье поднять самый простой сюжет до большого обобщения.

В ряде деталей, сопутствующих истории с окошком или поездке Тэгрынэ, перед вами встают приметы новой жизни, увиденные глазами чукчи. Школьник Йорэлё настоял, чтобы у него был столик для занятий, за которым он сидит на высоком табурете («Будто воробей на жердине»,— смеется старик-отец, привыкший к своему низенькому сидению — китовому позвонку). Сыновья Гэмалькота соорудили над очагом вытяжной колпак — раньше дым ел глаза сидящих в яранге. Тэгрынэ учится в десятилетке в Анадыре, потому что в ее поселке пока лишь семилетка. Больших деревьев она не видела, а видела в своем поселке только столбы для электрофонарей. Гэмалькот сам связывает новое в быту с теми большими переменами, которые произошли в жизни его народа.

Но не только в этих зримых деталях и делах сказывается веяние нового. Оно — в новом самоощущении людей. Жаден интерес к широкому миру пятиклассника Йорэлё. Это чувство, чувство хозяина своей страны, живет и в старом Гэмалькоте.

Сердясь на сыновей, задумавших «дырявить» ярангу, он в то же время жадно прислушивается к интересному разговору, который они ведут, разглядывая журнальную иллюстрацию, где изображен один из высотных домов в Москве. Гордость не позволяет старику подойти к сыновьям и взглянуть на фотографию. Он уже видел строительство такого дома в кинофильме, но там изображение промелькнуло быстро; хочется рассмотреть дом хорошенько... И хотя об этом прямо не сказано, но вы ощущаете ту крепкую нить, которая связывает старого чукчу и грандиозное сооружение в Москве. Для него это — не только чудо техники, это — нечто, олицетворяющее будущее его сыновей.

В описание обычного семейного эпизода, в обычные слова, отражающие обыкновенные думы и переживания людей, вложен глубокий смысл, чувствуется гордость обитателей яранги — молодых и старых — за Москву, свою Москву.

И в раскрытии этого самоощущения, самосознания члена всего социалистического коллектива, история с окошком звучит, как символическая аллегория.

«Знаешь, Севалот,— говорит Гэмалькот учителю Всеволоду Ильичу,— окно — это для человека очень важная вещь. Ты думаешь, что знаешь, а на самом деле всетаки не совсем знаешь, потому что сам никогда без окна не жил. По-чукотски свет называется «кэргыкэр». А окно по-чукотски — «кэргычын». Как это по-русски сказать? Светлота? Нет? Ну, словом, ты понимаешь... Вот что такое для чукчи окно!»

«Светлота»! Старый чукча образовал это слово, как противоположное слову «темнота», и сказал им очень много.

Содержателен и символичен «подтекст» рассказа о Тэгрынэ. В тундре нет деревьев, и в жизнь девушки входит мечта о живом дереве. Для чукотской девушки оно и предмет научного познания (Тэгрынэ — староста кружка юных натуралистов), и символ того большого мира, куда ее ввели русские друзья и под сенью и защитой которого ей так хорошо живется.

Тэгрынэ приехала в город ночью. Проснувшись утром, она видит на оконных занавесках какие-то дрожащие пятна.

«И вдруг Тэгрынэ понимает, что́ это. Когда-то, в каком-то кинофильме, она уже видела эти солнечные блики, играющие в колеблемой ветром листве.

Босиком, в одной рубашке Тэгрынэ бросается к окну, широко распахивает его. Две высокие стройные березы протягивают к ней свои ветви. Вот эти зеленые, прохладные листья, их можно потрогать руками, прижать к щеке, к губам...

Просто она не привыкла к тому, что растения могут шелестеть не у самой земли, а высоко над головой. Это березы шумели над ней вчера вечером, это березы поздравляли ее с приездом!»

Талантливость писателя не дает нам права подходить к его произведениям со скидкой «на молодость» и на то, что эти произведения — первые шаги в развитии литературы его народа.

В немногочисленных пока что рассказах Рытхэу, наряду с пластическими образами и описаниями, составляющими сильную сторону его таланта, мы видим очерковую торопливость, к которой автор прибегает в надежде на то, что недостатки стиля искупятся занимательным или политически актуальным сюжетом (рассказы «Новогодняя ночь» в «Огоньке», № 1 за 1953 г.; «Трубка мира» в журнале «Смена», № 6 за 1953 г.). Неуклюжим авторским комментарием к ясной и без того ситуации испорчен конец хорошего рассказа «Друзья-товарищи».

Возвращаясь к анализируемым рассказам, пока что лучшим из написанных Рытхэу, следует указать, что рассказ о Тэгрынэ завершен более художественно, чем рассказ «Окошко». Считая, повидимому, историю с устройством окна в яранге слишком скромной и не отражающей картину материального благосостояния современного чукотского селения, Рытхэу в конце рассказа поспешил исправить дело. Не ограничившись имеющимся в рассказе упоминанием о том, что в колхоз должны быть доставлены новые дома, он поведал нам о том, что в скорости семья Гэмалькота переселилась в один из таких домов, и набросал очерковую сцену строительства дома для других колхозников. В результате появился эпилог, который в данном рассказе оказался ненужным привеском.

Глубина художественной идеи не зависит от количественного охвата материала. В коротком рассказе выражение идеи требует особого совершенства и завершенности.

В самом деле, почему дело ограничивается только строительством домов? Почему, например, не показано, как в этот дом провели электричество? Ведь достаточно прочитать роман Ник. Шундика «Быстроногий олень» или другие рассказы самого же Рытхэу, или хотя бы информационные газетные заметки, в которых сообщается о строительстве на Чукотке сотен благоустроенных жилых домов, общественных зданий, колхозных ферм, электрических и телефонных станций, радиоузлов и т. п., чтобы убедиться, что Рытхэу в рассказе «Окошко» все равно не удалось поведать нам о всех материальных проявлениях нового в жизни чукотского народа. Да этого и не требовалось. Сила рассказа в том и заключается, что в небольшом, казалось бы, событии, как в светлой капельке, отразилось сияние того нового, что освещает будущее целого народа.

Имеющихся в рассказе упоминаний, описаний, намеков вполне достаточно, чтобы представить себе перспективы дальнейшего действия. И они позволяют нам видеть гораздо дальше и шире, чем авторское сообщение о переселении чукчей в дома. Глядя вместе с Гэмалькотом в окно, прорезанное в шкурах яранги, прислушиваясь к его размышлениям и спорам о предстоящем получении домов, о работе колхоза, присматриваясь ко всему многозначительному эпизоду с фотографией высотного здания в Москве, мы видим не только будущее переселение чукчи в просторный дом,—мы видим, например, и то, как сегодняшний школьник Йорэлё попадает в аудиторию Дворца науки на Ленинских горах, которым он любовался на картинке, и многое, многое другое, о чем можно рассказать лишь в большом романе!

В. ГОФФЕНШЕФЕР

ОДАРЕННОСТЬ — ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЕ!

Вот описание грозы, которой ждет истомившаяся от зноя земля:

«Дождь лил всю ночь. Раздвигая непроглядную тьму, ярко вспыхивали молнии, как бы желая посмотреть и узнать — здесь ли именно нужен дождь, и тогда они своими ослепительными клиньями освещали сразу то всю пасеку, то куски скрипевшего на ветру леса и, убедившись, что не ошиблись, гасли. Здесь, здесь! — гремел гром».

Многое можно было бы сказать в похвалу этого немногословного, образного и весьма самобытного описания, а ведь в русской литературе известно немало образцов, начиная с тютчевской грозы «в начале мая», до чеховской молнии: «как будто кто чиркнул по небу спичкой...»

Один этот абзац — всего несколько строк — убеждает: двадцатичетырехлетний агроном-пчеловод, ныне работник районной газеты, Василий Подгорнов — человек одаренный. Если б весь его рассказ «Медовая река» был выдержан в том же скупом, точном, энергичном стиле, можно было бы радоваться появлению нового писателя. Но рассказ в целом еще не дописан, хотя и опубликован в шестой книге альманаха «Литературный Татарстан».

...Вторую неделю стоит нестерпимая жара. Она не вредит хлебам, успевшим «набрать силу», но колхозный пчеловод Николай Алексеев горюет: «степь выгорела, нектар на полевых цветах-медоносах от жары густеет, пчелы «не берут» его. А ведь подошло «время главного взятка, когда все цветы обильно выделяют нектар, и он течет огромной невидимой рекой, больше Волги!» Мечта Николая — «...направить русло этой медовой реки прямо в улей, закупорить миллион бочек душистого целебного меда и превратить его из лакомства в обыденное блюдо колхозника, рабочего, служащего».

Объехав округу на мотоцикле — прошлогодней премии за перевыполнение плана,— молодой пчеловод выбрал хорошее место для пасеки. Он решил сделать ее «кочующей», перевезти ульи ближе к лесу. Здесь стеной стоят вековые липы, к опушке подходят гречиха, а на полянах цветут одуванчики, суренка, луговой василек. Но и в лесу пчел донимает засуха. До цветения липы еще далеко. Нужен хороший дождь, чтобы зацвел донник: в это время года именно с него собирают пчелы нектар.

Герой узнает, что пчеловод соседнего колхоза Иван Михайлович собирается, несмотря на жару, откачивать мед из «магазинов». Как старик добился медосбора, никто не знает. Николай уверен, что сосед не раскроет тайны, — такой уж характер у старика. Значит, нужно разгадать тайну самому.

Выехав в сожженную степь, молодой пчеловод перочинным ножом выкапывает куст донника и внимательно разглядывает корневую систему цветка-суходола. «При недостаточной влаге в почве корень не в силах снабдить питанием все растение, — размышляет он.— Вода для растения — прежде всего транспорт питания, листья испаряют ее, а питание остается в листьях». А что, если уменьшить площадь испарения, скосив стебли донника и оставив лишь небольшой росток? Скошенный почти до земли донник даст боковые отростки, они быстро зацветут, и пчелы смогут брать мед там, где два-три дня назад был поникший от жары стебель.

Еще и еще раз он убеждается в мудрости мичуринских слов: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача!»

Председатель колхоза поддерживает инициативу пчеловода-новатора. Всю ночь в степи работают сенокосилки, утром сюда выходят косцы и сгребальщики. Несмотря на жару, донник через несколько дней выбрасывает цветы, пчелы летят на них. И задолго до дождей, обновивших степь, пчеловод добивается рекордного медосбора.

Влюбленность в профессию пчеловода и отличное знание этого дела, в соединении с несомненной художественной одаренностью, позволили автору написать немало отличных картин. Однако неопытность приводит к тому, что многие строки рассказа похожи скорее на инструкцию по пчеловодству: «Постановка магазинных надставок не для медосбора, а как противороевое средство, — это его, Ивана Михайловича, метод... Чтобы не обессилить пасеку к главному медосбору, приходилось отбирать маток и пускать их на «стариков», из больших роев создавать семьи-«медовики».

Василий Подгорнов находит свежие краски и точные слова для описания природы, он поэтично и увлеченно описывает жизнь пчел, умеет так показать любой степной цветок и злак, что читатель как бы заново узнает его, но он крайне робок в изображении человека и в психологической обрисовке образа. Что мы знаем о герое рассказа «Медовая река» Николае Алексееве? Внешне это «высокий смуглый парень лет двадцати пяти», по профессии — хороший пчеловод. Но что его интересует, кроме пчел, этого читатель так и не узнает. Еще меньше мы узнаем о председателе колхоза Николае Кузьмиче, о районном агрономе Ветлугине, портрет которого написан такими штампованными фразами: «ладный, крепко сбитый и по-военному подтянутый», с загорелым лицом, которое «казалось высеченным из темного мрамора». Сколько «мрамора» пошло на изготовление подобных каменно-невыразительных лиц, — не сочтешь!

Особенно ясно неумелость автора видна в композиции рассказа. Вот герой узнал, что сосед умудряется качать мед, несмотря на жару. Николай мчится к нему, но не застает его на пасеке и поэтому до конца рассказа не узнает того, что уже знает читатель: у соседа нет никакого секрета, никакой «тайны» он не открывал. А когда настает черед Ивана Михайловича итти за советом к Николаю, он также не находит героя на месте: пасека Николая Алексеева перекочевала в лес. Так герои по воле автора (вернее, по его неопытности) не могут встретиться, чтобы выяснить явное недоразумение. И когда в конце рассказа, так сказать, «под занавес», автор все объясняет, объяснение оказывается запоздалым.

Не умея правильно построить сюжет, В. Подгорнов дважды описывает одну и ту же грозу с дождем: сначала гром гремит над пасекой Николая Алексеева, а потом — через много страниц — над пасекой соседа. В результате прекрасное описание грозы, процитированное в начале нашей статьи, по сути дела, оказывается ненужным: ружье уже выстрелило, гроза отгремела.

Все эти недостатки видны, как говорится, невооруженным глазом. Редакционная коллегия альманаха «Литературный Татарстан» (в составе ее мы видим имена лауреата Сталинской премии Г. Баширова и опытного прозаика И. Заботина) должна была помочь начинающему автору. Но не нашлось настоящего редактора у В. Подгорнова, никто не указал ему на явные ошибки и недоделки.

Почти одновременно с этим номером альманаха в Казани вышел литературно-художественный сборник со вторым рассказом В. Подгорнова «Петя». История подростка Петьки, с успехом заменившего на колхозной пасеке заболевшего деда, рассказана живо и поэтично. Любовно, очень правдиво и жизненно показаны отношения деда и внука. Теплым юмором пронизан диалог героев. Но и этот рассказ засорен большим количеством специальных терминов, и в нем есть длинноты и повторы.

Думая о Василии Подгорнове, радуешься тому, что даровитый человек не остался незамеченным. Очень хорошо, что члены русской секции Союза советских писателей Татарии, найдя среди «самотека», приходящего в адрес ССП, первую рукопись неизвестного автора, заметили одаренность молодого пчеловода. Они вызвали В. Подгорнова из Зеленодольска — небольшого городка под Казанью, ободрили начинающего автора, обсудили его произведение на секции, а позже — порекомендовали для печати.

Но, видно, у старших товарищей, не хватило терпения, а может быть, и умения по-настоящему помочь росту молодого автора. В. Подгорнов не растет, а топчется на месте: в двух опубликованных рассказах повторяется однажды найденный сюжетный ход (на пасеке — тяжелое положение, молодой герой-пчеловод проявляет находчивость). Написаны им еще два рассказа — сколки с первых.

Следует сказать несколько слов о Подгорнове. Окончив Ульяновскую сельскохозяйственную школу садоводства и пчеловодства, он три года проработал районным агрономом-пчеловодом. Отлично поставленная пасека Зеленодольского хлебокомбината—дело его рук. Бывший заведующий пасекой, он и сейчас интересуется ее работой, он нет-нет, да и заглянет на пасеку, когда катит по городу на велосипеде, выполняя задание редакции (по штату В. Подгорнов — корректор, но в районной газете «Зеленодольский рабочий» литературных сотрудников немного, и для корректора, тем более пишущего, всегда находится интересное дело).

В. Подгорнов много и жадно читает (у него неплохая библиотечка: на полках — Толстой, Тургенев, Шолохов, Пришвин, даже маленькие книжки «Огонька» заботливо собраны и переплетены годовыми комплектами), но недостаток образования сказывается: читает он без системы, а когда пишет рассказы, то слепо подражает любимым авторам.

Василий Подгорнов любит и понимает природу, не без успеха пробует писать. Но чтобы его творчество не исчерпалось двумя-тремя произведениями из жизни пчеловодов или охотников (есть у него и охотничьи рассказы), ему нужно многое знать, многому учиться. Только тогда он сможет осмыслить те великие события, которые произошли на его глазах, сумеет рассказать о том, как на опушке, где он жил с отцом-плотником, всего за две пятилетки вырос социалистический Зеленодольск с широкими улицами. А сразу же за высокими каменными домами — сосновый бор, где дети рабочих Фанерного комбината собирают грибы, откуда, случается, на городскую площадь, среди бела дня, забегает рыжая лиса или даже лось, о чем на следующий день районная газета сообщает в разделе «Городские происшествия». Тогда он сумеет рассказать и о том недалеком уже времени, когда обильные воды Большой Волги напоят цветы-медоносы в приволжских степях и его любимое «солнечное племя» пчел не будет зависеть от дождей. Тогда он поймет и сумеет показать в своем творчестве связь между «медовой рекой», о которой мечтал герой его первого рассказа, и полноводной рекой созидательного труда советских людей.

К. ЛАПИН

Первая книга

Т. ТРИФОНОВА

Недавно вышедшая первая книга рассказов С. Антонова «Дни открытий» разделена на два цикла. Эти циклы не озаглавлены, а лишь обозначены цифрами, но читателю ясно: первый цикл посвящен темам труда, а во втором собраны рассказы, так или иначе связанные с Великой Отечественной войной.

Именно во втором цикле с большей полнотой раскрывается еще не очень определившаяся, но все же ощутимая творческая направленность автора. Он намеренно сосредоточивает свое внимание на самых простых и будничных фактах, внешне непримечательных и незаметных; именно в них он стремится обнаружить то главное, важное и значительное, что характерно для советской жизни и советских людей.

Вот сельская учительница-вдова везет свою дочку в далекий, за сто верст, областной центр, откуда девочка поедет в Артек (рассказ «Дорогой ценой»). Отец девочки погиб на Севере — с тех пор север кажется ей страшным и она особенно жадно стремится на юг. Но в пути, намереваясь переночевать в незнакомой семье, путешественницы узнают, что там — большое горе. Получено извещение о том, что долго пропадавший без вести хозяин избы погиб в боях за Крым. «В Крыму... Девочка увидела человека, распростертого на берегу моря. Плещется теплое море, стоят над человеком вечнозеленые деревья, необыкновенные магнолии и олеандры, торжественные пальмы, высится потухший Кара-Даг. Перед человеком лежит прекрасный и уже ненужный ему Крым. Он нужен ей, ребятам, которые приедут со всех сторон».

В сущности, рассказ уже окончен. Он и весь-то занимает немногим больше трех страниц — значит, здесь нужна максимальная экономность, точность, выразительность. Но выразительно написаны только мысли девочки да несколько зимних зарисовок — снег, незамерзшая река, дорога. Здесь автору многое удалось. Свежо и четко изображение природы: «Ветер не сильный, но холодный, метет по льду от берега к стремнине белые крупинки, и они, ссыпаясь в воду, бесследно пропадают. Река ненасытна, и, сколько ни смотри, сколько ни сыпь снега, нефтяная бархатная стремнина не поседела, все такая же».

Или еще: «Ледяные поля тянутся с берега на берег, навстречу друг другу — соединиться бы, сковать и успокоить реку, — и не дотягиваются...»

Очевидно, что и весь рассказ надо было писать вот так, сдержанно и просто, в такой почти разговорной интонации, и — вернее всего — надо было глазами девочки увидеть мир. Но автор не выдерживает этот тон и, нарушая стиль рассказа, делает несколько ошибок подряд. Например, он сначала сообщает, что «на санях две фигуры», впереди «сидит женщина», сзади нее «полулежит девочка». В следующей строке сухая информация: «Сельская учительница провожает дочку до областного города».

И получается, что персонажи то очень далеки от читателя («две фигуры»), то совсем ему не знакомы (сообщается фактическая справка), то настолько близки, что мы знаем мысли девочки и видим пейзаж сквозь ее восприятие. Иногда такая «перемена расстояний» бывает необходимой для того, чтобы с разных сторон осветить предмет. Здесь же она ничем не мотивирована.

Автор вводит много ненужных подробностей, не идущих к делу деталей. Зачем-то мелькают имена не появляющихся в рассказе и незнакомых детей, и, наконец, в авторском тексте на протяжении трех страниц одно и то же действующее лицо именуется каждый раз по-разному: «фигура», «сельская учительница», «женщина», «мать Нины», «Александра Павловна» и, наконец, просто «мать».

Совершенно не нужна и концовка, в которой (уже после приведенных выше слов о человеке, погибшем в Крыму) говорится, что «ценой жизни Колиного и Вариного отца... достался ей Крым».

Этот рассказ — по замыслу своему лирический, и главное в нем — мысли девочки о том, что гибель и ее отца на Севере, и чужого человека в Крыму была не напрасной, что она унаследовала мир, за который боролись и погибали старшие. Но написан рассказ неровно, разностильно, в нем лирическая интонация перебивается очерком, а то и информацией, в нем выразительный пейзаж соседствует с протокольной справкой, в нем хорошо подмеченные и переданные размышления девочки вдруг нарушаются пустым и мелким диалогом: «—Отца у них убили. — У кого?.. — Девочка — такая же, как ты, — Варя, а мальчик помоложе — Коля. — Повестку получили? — Получили»...

Мы так подробно остановились на этом рассказе потому, что такая неровность стиля характерна и для других рассказов С. Антонова.

Хорошо задуман рассказ «Горе»: получивший известие о гибели угнанной в фашистскую неволю семьи, недавно вернувшийся в разрушенный и еще не восстановленный город человек не находит себе места... Все кажется ему нелепо-ненужным: и приготовленный для построек кирпич, и заботливо привезенная в его пустую комнату кровать... И вот—случайная встреча с группой ребятишек, случайно попавший в него снежок, и разговор с чужой девочкой, которая заботливо спрашивает, не больно ли ему, и бережно трет его спину. «Тарасов вдруг улыбнулся — впервые улыбнулся за этот страшный свой день». В эту улыбку веришь: да, человек вернется к жизни, несмотря на свое горе. Но не веришь в то, что в глазах девочки Тарасов увидел «две луны, такие же зеленоватые, как и на небе», и что «две луны в ее глазах дрогнули, заволоклись дымкой». Эти вычурные красивости плохо вяжутся с простой и милой речью девочки, которая «встала на цыпочки», «провела ручонкой в варежке» и т. д. Не вяжутся еще и потому, что суровое мужское горе, переживаемое одиноким человеком на обломках родного города, требует для своего изображения строгих и мужественных слов и не терпит украшений.

Интересен и замысел рассказа «Большой человек» — одного из самых удачных в сборнике. Группа легко раненных бойцов случайно встречает молодую женщину с грудным ребенком, которая чудом спаслась из неволи и перенесла нечеловеческие лишения. Солдаты, внезапно вернувшись от суровых военных мыслей и дел к такому близкому и теплому, домашнему существу — ребенку, наперебой дают советы, пытаются убаюкать и накормить младенца. Но ребенок умирает. И раненые солдаты роют могилу на крутом берегу реки, чтобы «все проходили мимо и видели: большой человек лежит — садовод, ученый, плотник...» «Дитенок, а кем мог быть! И люди должны не ребенком его знать, а тем, кого в нем убили»...

Эти слова звучат несколько неуклюже, автор не сумел отточить фразу, найти точную и вместе с тем поэтическую форму, но мысль его — большая и верная, глубоко гуманная.

И еще один хороший замысел (рассказ «Отступившая смерть»). Вернувшийся с фронта солдат не решается сказать женщине, что он видел своими глазами, как погиб ее муж: «На том месте... теперь виднелась воронка — и больше ничего». Оттягивая тяжелый разговор, солдат с изумлением видит, что женщина ни на минуту не сомневается в возвращении мужа, что она ждет его ежечасно. Эта вера столь велика, что солдат начинает сомневаться в виденном. Читатель так и не узнает, кто же прав: солдат, «видевший своими глазами», или женщина с ее великой любовью и верой.

В этих рассказах — хорошая светлая романтика больших чувств, и эта романтика не противоречит реалистическому изображению людей, будничности обстановки. Эти «военные» рассказы заставляют думать о том, как прекрасны люди, как дорог им мир, как сильны их чувства, как много в них мужества и терпения. И хочется пропустить, не заметить неряшливые, непродуманные фразы, встречающиеся даже в этих лучших рассказах. Но не заметить их нельзя:

«Три фигуры — старуха и две девушки, проходя по дороге, заглянули в окно»...

«Огорчать себя было не в ее природе»...

«Женщина, увидев, что ребенка на лавке нет, спохватилась, глаза ее тревожно забегали, но, найдя его, успокоилась».

«Женщина тяжело вздохнула, и все вспомнили о матери, которую на время забыли»...

Рассказы С. Антонова, к сожалению, не датированы. А было бы очень интересно узнать, какой из двух циклов написан раньше. Рассказы о войне значительно сильнее, в них больше лиризма, они композиционно более слаженные, четкие, чем рассказы о мирном труде. Но раскагы о труде написаны, вероятно, позже.

Нельзя устанавливать какие-то незыблемые законы построения рассказа. Удача или неудача того или иного композиционного приема, тех или иных художественных средств определяется только соответствием или несоответствием замыслу. Изображая беседу солдата с женой его погибшего товарища, писатель мог воспроизвести все мелкие подробности самого обыденного разговора: это нужно, чтобы показать, как тянется время и как солдат боится решающего вопроса. Но когда автор шаг за шагом пересказывает все, что делают, говорят и думают его персонажи, нельзя не вспомнить главный закон реалистического искусства, обязательный для всякого писателя и вдвойне обязательный для автора рассказов, призванных вместить большое содержание в очень тесное пространство. Это закон строгого отбора, без которого невозможно заострение внимания на существенном.

Автор слишком часто пренебрегает этим законом, рассказы изобилуют мелкими, случайными деталями, за которыми тускнеет мысль и расплывается образ.

В самом деле: разве не привлекательна задача показать молодого рабочего, вчерашнего ремесленника, который почувствовал себя взрослым и знатным, кормильцем семьи и в то же время с азартом играет в лапту с друзьями-мальчишками (рассказ «Виктор Алексеич»)? Разве не интересно показать, как ремесленники, работающие в сапожной мастерской, занимаются изобретательством, увлекаются техникой, читают книги, мечтают о будущем («В мастерской»)? Разве не любопытно проследить, как недоверие к молодым трактористам сменяется уважением, когда они проявили себя в работе («Книжки-задачники»)?

Но иногда кажется, что автор сам не видит того, что описывает, не чувствует чувствами, не думает мыслями своих героев. И десятки мелких подробностей не только заслоняют замысел и образ, но даже вступают с ними в противоречие; происходит разрыв между замыслом и его воплощением.

Откроем первую страницу:

«В аллее, где висели портреты знатных людей завода, из группы рабочих отделился невысокого роста паренек. На его черном замасленном пиджаке и штанах выделялись матовые пятна. На голове у него была кепка с захватанным пальцами козырьком. Кепка сидела лихо и молодцевато.

Паренек подошел к своему портрету и поправил чуть сбившийся в сторону багет с изображенными на нем листочками.

— Непорядок, а? — спросил усатый мастер, кивнув пареньку.

— А то разве порядок?—ответил тот.— Вывесили, так пусть висит, как следует.

Паренек слегка покраснел и от смущения потянул носом: все-таки неудобно, что его увидели за таким делом».

Нет, несмотря на подробное перечисление примет, мы не можем ни увидеть внешность, ни понять характер паренька. Ведь автор не выделил ни одной индивидуальной черты! И ведь «смущения» не видно: это слово противоречит и тому, как паренек на глазах у всех подошел к своему портрету, чтобы поправить багет, и тому, как он уверенно ответил мастеру. И почему же смущение выражается тем, что паренек «потянул носом»?

Перелистываем страницу:

«В сквере слева то появлялись, то пропадали ямы бомбоубежищ, поросшие буйной травой. Некоторые были засыпаны и превращены в клумбы»...

Ни аллея, названная в начале рассказа, ни эти ямы, превращенные в клумбы, не создают никакого представления о пейзаже. Здесь нет образа: он подменяется перечислением.

А вот концовка того же рассказа:

«Мать шагала рядом с сыном, рука ее лежала на плече Виктора, и чем ближе они подходили к дому, тем энергичнее становилась походка сына, тем ласковее трогала женщина его плечо».

Всего четыре строчки, а даже трудно уловить, что сын и Виктор — это одно лицо, что мать — это и есть та женщина, которая «трогает» его плечо...

Можно привести еще много примеров неудачных описаний, непродуманного словоупотребления, ненужной детализации.

Можно привести и немало надуманных красот: «шум времени, напоминавший ему об удавшейся жизни»... «сорокалетний путь труда, ошибок и поисков, приведший к этому неувядающе радостному ощущению прожитого».

А ведь иногда автору удается найти хорошие, точные слова и подметить такие детали, которые раскрывают характер и помогают создать образ.

«В вагоне было пыльно и душно, как на улице перед грозой»,— так начинается рассказ «В музее». И еще до появления героини через это сравнение приоткрывается какая-то черточка в ее характеристике: ну, конечно же, это деревенская женщина, не привыкшая к поездам, но ясно представляющая себе предгрозовую духоту...

Да, именно деревенская женщина назовет луг «нескошенным» потому, что с лугом у нее связано представление не только о цветах и травах, но прежде всего о сенокосе.

Таких ярких описаний в книге, к сожалению, не много. Молодой автор еще очень неуверенно владеет сильнейшим оружием искусства — словом. Хорошие замыслы — показать читателю таких интересных по их жизненным поступкам людей, как машинист Носов или колхозный плотник Иван, как мальчишки из сапожной мастерской или паренек Виктор Алексеич, как школьники «Павлик и его заместитель»,— остаются в книге художественно неосуществленными.

***

Нельзя не высказать упрека издательству «Советский писатель». Трудно предположить, что издательские рецензенты, члены редсовета и редактор книги Б. Соловьев не заметили многих недостатков в рукописи молодого автора, пришедшего в издательство с хорошими, свежими мыслями и наблюдениями, с живым интересом и любовью к своим современникам. Рецензент и редактор — это прежде всего требовательные и заботливые, строгие и внимательные критики и помощники. В данном случае они оказались снисходительными и беззаботными и поспешили издать книгу, нуждавшуюся в серьезной доработке.

ФОТОГРАФИЯ, СНЯТАЯ В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Мать и сын роются в мусорном ящике. Может быть, среди отбросов им попадется капустная кочерыжка, огрызок моркови или картофельные очистки, которые еще можно бросить в кастрюлю в доме, где не осталось ничего, кроме воды и страха перед завтрашним днем...

Пожилой женщине и мальчику стыдно. На фотографа, который направил на них объектив, женщина смотрит с укором, а мальчик с ненавистью.

Самое страшное в этой сцене — ее обыденность.

Фотография снята на задворках одного из гамбургских домов. Она могла быть сделана в сотне других дворов Гамбурга, в тысячах дворов Западной Германии.

На немецких землях к западу от Эльбы миллионы людей сегодня лишены работы и не имеют средств к существованию. Народ ввергнут в нищету и голод ради того, чтобы заводы Круппа выпускали снаряды и пушки для новой войны, чтобы на полигонах вновь тренировались солдаты вермахта, чтобы накапливались эскадрильи бомбардировщиков и истребителей новых конструкций.

Во имя этого множество людей оставлено без хлеба. Они роются в чужих объедках, стыдясь своей нищеты и стараясь скрыть ее от постороннего взгляда. Ибо то же общество, которое сделало безработицу и голод неизбежным уделом миллионов, объявило нужду позором, внушает голодному, что он сам повинен в том, что голоден.

Но люди, населяющие земли на запад от Эльбы, лишенные сегодня достатка, улыбки, радости, уже знают истинных виновников своего горя. И к ним обращены скорбная укоризна немецкой матери и недетский гнев немецкого подростка.

Снимок из немецкого журнала «Цейт им бильд»

НОВЫЙ КИТАЙ

Л. НИКУЛИН

Перед нами книга большого формата в шелковом, вишневого цвета, переплете. На переплете серебристые буквы: «Новый Китай». Это — книга-альбом.

«Мы, — приводятся в эпиграфе слова Мао Цзэ-дуна из его труда «О новой демократии», — не только хотим превратить политически угнетенный и экономически эксплуатируемый Китай в политически свободный и экономически процветающий, но и вместе с тем превратить его из страны господства старой культуры, а потому темной и отсталой, в страну господства новой культуры, в страну просвещенную и передовую. Одним словом, мы хотим построить новый Китай».

Именно этот новый Китай отображен в превосходных иллюстрациях, в фотоснимках альбома.

Первые страницы альбома наглядно показывают нам величие и богатства этой огромной страны — одной из величайших стран мира, где 475 миллионов людей трудятся на территории в 9.597 тысяч квадратных километров.

Древнейшая культура этой страны отражена в своеобразных, исполненных высокого вкуса архитектурных сооружениях. С глубоким интересом рассматриваешь старинный мост на арках, великую китайскую стену длиной в 2.300 километров — одно из величайших в мире крепостных сооружений, ограждавших древний Китай от иноземных захватчиков. Видишь древние пагоды, гигантские статуи Будды, поразительную стенную живопись, «зал высшей гармонии» в бывшем императорском дворце — теперь месте отдыха трудящихся.

Все эти редчайшие музейные образцы старой культуры теперь принадлежат народу — потомкам замечательных зодчих, талантливых мастеров, которые создали эти чудеса древнего искусства.

Но люди нового Китая не забывают о том, что никакие сокровища искусства старой культуры не могут искупить вековой отсталости и темноты, в которой тысячелетиями держали китайский народ феодалы, компрадоры и иностранные предприниматели. И освобожденные люди с невиданным энтузиазмом пошли за коммунистической партией, народным правительством на стройку нового Китая.

И мы видим сейчас: Китай — это страна отличников труда, страна шахтеров, сталеваров, нефтяников, хлопководов, текстильщиков, шелководов, страна, семимильными шагами двигающаяся к процветанию. Мы видим народ, строящий новые железные дороги, металлургические комбинаты, мосты, порты, из которых порт Синьган является одним из крупнейших в мире.

Как олицетворение нового, здорового, сильного и быстро растущего Китая, видим мы на фоне металлических конструкций и дымящих фабричных труб молодого рабочего. Это Лю Чжан-чу, передовик производства на тяньцзиньском сталелитейном заводе. Мы невольно связываем и с его именем тот замечательный факт, что Китай не только восстановил металлургическую промышленность, но и производит теперь стали на 70 процентов больше, чем до освобождения страны.

И, перелистывая страницы альбома, узнаешь об удивительных делах сотен и тысяч таких же, как Лю Чжан-чу, людей. Вот огромные угольные разработки — несметное богатство страны — и поезд с улыбающимися шахтерами в касках, с прикрепленными к ним электрическими фонарями. Шахтеры отправляются к забоям. Сейчас Китай не только обеспечен достаточным количеством угля, но и имеет излишки для экспорта.

Фотоснимки знакомят нас с предприятиями, на которых впервые в Китае ныне производится оборудование для текстильных фабрик, автомобили, тракторы, рельсы, буровые машины, паровозы и многое другое, и мы вспоминаем все новые и новые имена наших китайских друзей, отличившихся в творческом труде. Перед глазами встает рост могущества великой страны, и на память приходят прочитанные в журнале «Народный Китай» глубоко трогательные, горячие слова рабочих Аньшаньского металлургического комбината:

«...мы на собственном опыте убедились в том, что советская социалистическая наука и техника, основанные на марксизме-ленинизме, являются самыми передовыми и прогрессивными в мире. Мы также убедились в том, что только советские специалисты, воспитанные в духе интернационализма, искренне и бескорыстно оказывают нам помощь в строительстве нашего государства».

Новый Китай воздвигает невиданные сооружения, преобразующие природу. На фотоснимках — плотина у Жуньхэцзи на реке Хуайхэ, огромное водохранилище на реке Янцзыцзян, строительные работы на реке Янцзы, включая сооружение огромных плотин, одна из которых превышает тысячу метров. Поистине все это говорит о великой мощи освобожденного китайского народа, о могучем энтузиазме, охватившем его.

Альбом показывает нам то новое, что родилось в сельском хозяйстве: обработку земли в госхозах с помощью современных машин, колонны автомашин, нагруженных зерном, бригады взаимопомощи, которые образовались после осуществления революционных аграрных преобразований. И когда, разглядывая снимки, отображающие вдохновенный труд на полях, мы узнаем, что новый Китай увеличил по сравнению с наивысшим уровнем до освобождения производство хлопка до 155 процентов и продовольствия — до 109 процентов, то думаем о наших друзьях — китайских крестьянах, об их замечательных передовиках. Перед нами оживает образ посетившего нашу страну шаньсийского крестьянина Ли Шунь-да, явившегося запевалой всекитайского движения за создание бригад взаимопомощи и за высокие урожаи полей, принесшего столь замечательные плоды.

«Мы выйдем на мировую арену как нация, обладающая высокой культурой». Эти слова вождя китайского народа иллюстрируются снимками народного университета в Пекине, где учатся передовые рабочие, трудовая интеллигенция, снимками институтов, школ повышенного типа. До ста миллионов крестьян обучалось в этом году в вечерних школах.

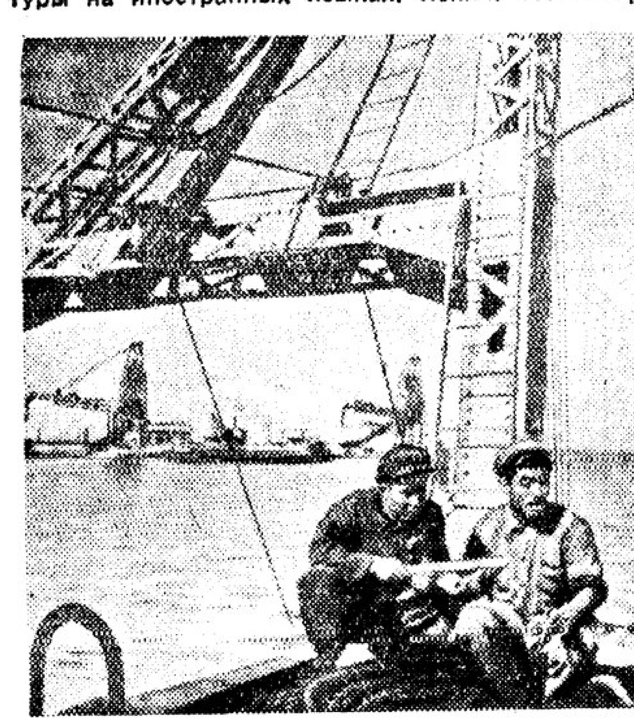
Забота о здоровье трудящихся, дома отдыха, библиотеки, искусство нового Китая, театр и кино, спорт отображены в фотоснимках последнего раздела альбома.

Все то, что уже сделано, что намечается сделать в огромной стране, вступившей в первый год своего первого пятилетнего плана, встречает горячий отклик в сердце каждого советского человека.

Много мыслей пробуждает в душе советских людей книга-альбом «Новый Китай», пришедшая к нам из страны, отделенной от нас тысячами километров. Мы видим черты новой жизни свободного китайского народа.

Нерушимо стоит он рядом с Советским Союзом в могучем лагере мира и демократии, с уверенностью смотрит в свое будущее. Оно озарено опытом нашей прекрасной страны.

«Новый Китай». Издательство литературы на иностранных языках. Пекин. 1952.

Недалеко от Тяньцзиня строится новый порт — Синьган, который будет одним из крупнейших портов в мире.

Снимок из фотоальбома «Новый Китай»

ГАЗЕТА-ЛАНДСКНЕХТ

С. АРКАДЬЕВА

Перелистывая страницы западноевропейских прогрессивных газет и журналов, читатель часто встречает в статьях и корреспонденциях на самые животрепещущие, злободневные темы упоминания о ландскнехтах — наемном войске XV—XVII вв. Отнюдь не исторический интерес вынуждает прогрессивную прессу возвращаться к тем временам, когда банды наемных солдат-ландскнехтов бродили по дорогам Западной Европы, наводя ужас на мирных жителей своими грабительскими подвигами. Ведь создание так называемой «европейской армии» обрекает сегодня на участь ландскнехтов американских монополий молодежь Франции, Западной Германии, Голландии, Бельгии и других западноевропейских стран.

«Без родины, без чести» — таков был девиз средневекового наемника, служившего своим мечом тому, кто больше платил. История наших дней знает новую разновидность ландскнехтов, торгующих не мечом, а пером. Одним из ярких представителей этой разновидности, получившей широкое распространение в капиталистических странах, является французская газета «Фигаро». Девизом себе эта газета избрала слова Бомарше: «Люди, не желающие ничего делать, ничего не достигают и никуда не годятся». С полным основанием «Фигаро» могла бы вместо этого изречения поместить на своей первой странице старый девиз профессиональных наемников: «Без родины, без чести».

Еще в заокеанских швальнях кроятся мундиры для наемников «европейской армии», а газета «Фигаро» уже красуется в полном боевом облачении ландскнехта американских монополий, с «вечной» ручкой наперевес — этакий бравый служака космополитической идеи «европейского оборонительного сообщества», «европейской федерации» и прочих подобных же планов заокеанского происхождения, несущих народам Западной Европы потерю их национального суверенитета и независимости.

Заглянем в послужной список «Фигаро». Он напоминает жизнеописание наемника, которому не в диковинку менять хозяев. До первой мировой войны собственником «Фигаро» являлся владелец парфюмерных фабрик Коти. И в те времена отнюдь не благовониями веяло от страниц «Фигаро». Теперь они источают смрадный дух национального предательства и торговли правами и независимостью Франции, трупный запах эсэсовского мундира.

Это газета «Фигаро» продолжала выходить в оккупированном гитлеровцами Париже, это она пользовалась субсидиями правительства Виши, получив в общей сложности за два года около полумиллиона франков. В то время «Фигаро» ревностно воскуряла фимиам Петэну и его патрону Гитлеру. В конце 1942 года директор «Фигаро» Пьер Бриссон, напуганный громом Сталинградской битвы, спохватился и почел за благо прикрыть газету. Такая предусмотрительность дала ему «формальное право» возобновить издание «Фигаро» после того, как Франция была очищена от фашистских оккупантов.

После войны «Фигаро» обрела нового шефа, сменила мундир эсэсовца на космополитическую форму ландскнехта «европейской армии» и попрежнему осталась рупором самых реакционных кругов французской буржуазии, давно уже выбросившей за борт знамя национальной независимости и демократических свобод. Теперь фактическим владельцем газеты является крупный промышленник Прувo, в прошлом министр в правительстве Рейно и комиссар по делам информации при правительстве Петэна. Господин Прувo вкладывает свои капиталы не только в издательское дело, он — крупный пайщик фирм и компаний, занятых производством мыла, растительного масла, шерстяных тканей. Надо полагать, что торговля национальным суверенитетом, как и производство мыла, приносит ему немалые прибыли...

В послевоенные годы «Фигаро» по праву заслужила презренную репутацию «органа Скорцени». На страницах газеты нашли себе место мемуары военного преступника эсэсовца Скорцени и гитлеровского коменданта Парижа фон Шольтица, фашиста Абетца, гитлеровского генерала Роммеля и личного врача Гитлера Зауэрбруха. Говоря о литературе, газета поднимала на щит творения таких господ, как автор гангстерских романов коллаборационист Кудерк де Отклэр, который видит «идеального героя» в профессиональном убийце, таких, как румынский гестаповец, сподвижник Антонеску, Виржиль Георгиу. Не кто иной, как «Фигаро» напечатала полный текст речи французского верховного комиссара в Германии Франсуа Понсэ во французской Академии, посвященной восхвалению Петэна.

«Фигаро» — присяжный оруженосец гитлеровских палачей, заслуживших своими кровавыми злодеяниями ненависть простых людей Франции. Защита военных преступников стала специальностью этой газеты.

Начало 1953 года ознаменовалось событием, глубоко взволновавшим всех честных французов. Спустя восемь лет после окончания войны состоялся, наконец, процесс над эсэсовцами из гитлеровской дивизии «Дас райх». На скамью подсудимых в зале суда в Бордо попали гитлеровские головорезы, которые 10 июня 1944 года разрушили французскую деревню Орадур-сюр-Глан и зверски уничтожили 650 мирных жителей — женщин, детей, стариков. Известно, чем окончилась комедия суда в Бордо, — вынесением фиктивных приговоров большинству подсудимых, которые вскоре были освобождены из тюрьмы. Но даже против этого приговора с пеной у рта восстала «Фигаро».

Довод? Гитлеровцы, уничтожившие все живое в Орадуре, — так сказать, мученики долга, они лишь выполняли... военный приказ.

«Судьи в Бордо наказали послушание, и это может повлечь за собой последствия, которые трудно измерить», — многозначительно пророчествовала газета.

Пролил слезу над «горькой участью» палачей Орадура и злобный реакционер, писатель Франсуа Мориак, поставляющий передовые статьи в «Фигаро».

Защищая гитлеровских бандитов, ландскнехты из «Фигаро» цинично восхваляют новые средства массового уничтожения людей — напалм и атомную бомбу. Некто Жан Шлюмберже пишет на страницах «Фигаро», что атомная бомба «окончательно утвердила, как наиболее эффективное оружие современной стратегии, террор и показала, что наиболее чувствительным, если не сказать наиболее желательным, объектом последнего является гражданское население».

Шлюмберже уверяет, что французский народ заблуждается, считая «типичным зверством» расправу, учиненную гитлеровскими палачами в Орадуре. Это преступление, по его словам, — «попросту пустячок». «Если бы в 1944 году, — продолжает далее Шлюмберже, — германская армия за несколько минут уничтожила Орадур с помощью напалма, то это не было бы «военным преступлением», а лишь боевым эпизодом. Ужас в истории с Орадуром вызывает то, каким образом было произведено уничтожение людей, именно то обстоятельство, что — да простят мне это слово! — это было произведено «ручным способом».

Какой цинизм! Оскверняя дорогие французу могилы, наемники из «Фигаро» заранее отпускают все грехи будущим палачам, если только те заменят «ручной способ» уничтожения Орадуров тотальным террором атомной бомбы.

«Можно понять, — заключает Шлюмберже, — что родственники или соседи убитых теряют самообладание, как только в их памяти всплывают картины этого массового убийства и они видят перед собой тех, кто принимал в нем участие. Однако вопросы, поставленные процессом в Бордо, выходят за рамки происшедшего в Орадуре, и нужно иметь смелость глядеть им в лицо, не считаясь с порывами нашей чувствительности».

Мы привели эту длинную выписку лишь потому, что каждая строка ее обличает писак из «Фигаро», как ландскнехтов империализма.

Вернемся, однако, к тем проблемам, которые горячо обсуждаются сейчас французской печатью. Это прежде всего проблемы ремилитаризации Западной Германии и включения нового вермахта в создаваемую заокеанскими хозяевами пресловутую «европейскую армию». «Фигаро», предавая национальные интересы Франции, на все лады расписывает блага и выгоды «европейского оборонительного сообщества». Известно, что бывших гитлеровских генералов прочат на командные посты в этой армии. А так как эти господа запятнаны кровавыми преступлениями, совершенными во время второй мировой войны, ясно, что следует постараться поскорее обелить их... Вот, оказывается, зачем понадобились глубокомысленные психологические изыскания господ мориаков, шлюмберже и иже с ними!

Французская общественность решительно восстает против ратификации боннского и парижского военных договоров, которые должны окончательно легализовать воссоздание вермахта и ускоренную ремилитаризацию Западной Германии. А один из сотрудников газеты «Фигаро» Раймон Арон в беседе с корреспондентом американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» заявил: «Я выступал за перевооружение Германии еще до 1950 года. Я был первым французом, выступившим в защиту этой идеи. В 1945 году я призывал в печати к восстановлению Германии (читай: восстановлению военного потенциала и позиций германского империализма), а в 1949 и 1950 гг. — к перевооружению немцев». Вот чем гордятся ландскнехты из «Фигаро».

«Фигаро» изо всех сил торопит осуществление агрессивных планов Северо-атлантического блока. Совсем недавно, в конце марта, она восхваляла «дух решимости», которым проникнута политика Северо-атлантического блока, и утверждала, что «западные страны должны итти по пути, на который они вступили».

А в другом номере, предлагая «обратить внимание» на предложения Советского Союза, имеющие целью разрядить международную обстановку, «Фигаро» в то же время призывала продолжать усилия по «организации Европы» в духе Атлантического блока. «Речь идет о том, — заявила она, — чтобы приняться за это дело более энергично, чем когда бы то ни было».

Рукоплесканиями встретила «Фигаро» весть о том, что так называемое «европейское объединение угля и стали» вступило в действие. Газета торжественно отметила это событие статьей под пышным заголовком: «Сегодня европейские границы исчезли для угля и железной руды». Наемников из «Фигаро» нисколько не смутило то обстоятельство, что создание общего рынка угля и стали в Европе превратит в конечном счете важнейшие отрасли французской промышленности в подсобные цехи для рурских монополий, для западно-германских империалистов, одержимых реваншистскими планами. Размечтавшись, «Фигаро» требует «более тесного объединения Европы во всех областях». Еще бы! Ведь «общий рынок открывает путь, на горизонте которого уже вырисовываются основные контуры европейской федерации».

Стоит ли после таких «атлантических» тирад удивляться той бесцеремонности, с какой корреспондент упомянутого уже выше американского журнала в той же беседе с сотрудником редакции «Фигаро» Раймоном Ароном напрямик спросил: «Вы хотите сказать, что в правительстве есть люди, готовые отказаться от своей французской национальности, от своих французских традиций ради нового правительства?»

Вероятно, представитель «Фигаро» был немало шокирован такой прямолинейностью американского журналиста. Нельзя же, в самом деле, ставить своего коллегу в столь затруднительное положение — как-никак приходится считаться с тем, что могут подумать французы...

И сотрудник «Фигаро», потупив взгляд, ответил: «Нет... Но они готовы согласиться на передачу европейскому правительству некоторых полномочий или функций, которые всегда были национальными».

Стремясь сохранить и в самой подлости оттенок благородства, «Фигаро» непрерывно изворачивается, маскируется, лжет, лицемерит. На ее страницах можно часто встретить такие выражения: «величие Франции», «сохранение французского могущества», «интересы французской нации» и т. д. Ничего не поделаешь, приходится все-таки считаться с некоторыми «предрассудками» читателей! Ведь прожженным политиканам из «Фигаро» отлично известны подлинные стремления французского народа.

Зато газета-ландскнехт ничуть не скрывает своего лакейского подобострастия перед заокеанскими миллиардерами. Всего лишь раз, вынужденная к тому обстоятельствами, она осмелилась, правда, в форме весьма деликатной, выразить свое неудовольствие. Это случилось после того, как американский журнал «Лайф» сравнил Францию с публичной девкой. Наглое выступление американского журнала вызвало взрыв возмущения во Франции. Смолчать в этом случае — значило бы открыто расписаться в своем пресмыкательстве. И «Фигаро» пришлось «вступиться» за Францию. Господин Мориак, который накануне торжественно провозглашал: «Мы солидарны с Соединенными Штатами», написал плаксивую статью. В ней он униженно молил своих заокеанских друзей иметь в виду, что чувство национального достоинства еще не совсем отмерло во Франции.

Однако французская демократическая печать раскусила этот маневр.

«Ты этого хотел, Жорж Дандэн! — гневно писала газета «Леттр франсез», обращаясь к Мориаку. — Кто еще своей пошлостью, своим лакейством, своим беспрерывным попрошайничеством, своим паническим страхом перед французским народом дал повод этим хамам оскорблять нас?»

И, обнажая подлинный смысл унизительной статьи Мориака, «Леттр франсез» далее писала:

«Вот что она означает: эти люди презирают и оскорбляют нас, они говорят о крахе наших моральных устоев, называют Францию публичной девкой, сующей в чулок миллиардную бумажку, выпрошенную у покровителя Сэма, — что ж, вытрем плевки, разумеется, с соблюдением необходимого достоинства и подставим им левую ягодицу! Сеанс продолжается: Да здравствует европейская армия!.. Не поддавайтесь, прошу вас, голосу чести...»

Эти гневные слова, обращенные к Мориаку, можно адресовать и его газете. Да, такова «Фигаро», открыто торгующая правами и национальной независимостью Франции, призывающая к возрождению немецкого вермахта, прикрываемого «европейской армией», — газета-ландскнехт.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

КОНГРЕСС ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В Сант-Яго (Чили) закончил свою работу первый Конгресс деятелей культуры стран Латинской Америки, который был созван по инициативе выдающейся чилийской поэтессы Габриэлы Мистраль, известного колумбийского писателя Бальдомеро Санин Кано и видного костариканского публициста и критика Хоакина Гарсиа Монхе. На нем присутствовали представители интеллигенции Аргентины, Боливии, Бразилии, Колумбии, Коста-Рики, Кубы, Чили, Гватемалы, Гаити, Мексики, Парагвая, Перу, Уругвая, Венесуэлы и США. В работе конгресса приняли участие такие всемирно известные деятели культуры, искусства и литературы, как чилийский поэт Пабло Неруда, бразильский писатель лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Жоржи Амаду, кубинский поэт Николас Гильен, аргентинская писательница Мария Роса Оливер и многие другие.

В качестве гостей на конгрессе присутствовали представители европейских и других стран.

Конгресс вылился в мощную демонстрацию деятелей культуры стран Латинской Америки в защиту мира, национальной независимости и демократических свобод, которые являются необходимыми предпосылками для защиты и развития национальной культуры каждой латино-американской страны.

Конгресс принял обращение к интеллигенции и народам Соединенных Штатов, Советского Союза, Англии, Китайской Народной Республики и Франции, резолюцию о культурном обмене и резолюцию в защиту культуры и прав деятелей культуры стран Латинской Америки.

Лекция Думитру Аржан

Стахановец Думитру Аржан среди студентов Бухарестского института нефти и газа.

Фото Аджерпрес

«— Товарищи, я не могу говорить, как профессор. Я — простой рабочий...»

Так начал лекцию о методах своей работы студентам, ассистентам и профессорам Бухарестского института нефти и газа знатный румынский нефтяник, Герой Социалистического Труда Думитру Аржан.

Как сообщает газета «Скынтейя», Аржан применил новые методы работы, позволившие устранить технические неполадки на нефтяных скважинах, ускорить работу и высвободить большое количество рабочих.

Лекция новатора, захватившая всех слушателей, вызвала живейшую дискуссию.

Думитру Аржан ответил на все вопросы и в заключение сказал: «Верю, что тесное содружество между рабочими, имеющими большую практику, студентами и людьми науки, которые располагают глубокими теоретическими знаниями, явится ценным вкладом в дело строительства социализма в нашей любимой стране».

А. С. Кочетков

Умер поэт Александр Сергеевич Кочетков, отдавший свой большой талант и редкое мастерство главным образом стихотворному переводу. В этой области им сделано много, и сделано хорошо.

Он много лет посвятил работе над переводами классической и советской поэзии Грузии, был одним из переводчиков армянского народного эпоса «Давид Сасунский» и эстонского эпоса «Калевипоэг». Трудно было бы перечислить все те произведения наших братских поэтов, которые нашли полноценное воплощение в тонкой, продуманной передаче А. С. Кочеткова, немало потрудившегося для укрепления дружбы литератур народов Советского Союза.

А. С. Кочетков в своей обширной переводческой деятельности не ограничивался литературами народов СССР, его переводы великих поэтов Запада — Гёте, Шиллера, Вольтера — могут считаться образцовыми.

А. С. Кочетков выступал и как драматург; в своей пьесе «Николай Коперник» он с большой глубиной и теплотой написал образ великого польского ученого.

В лице А. С. Кочеткова мы потеряли одного из лучших советских поэтов-переводчиков, хорошего, чуткого, отзывчивого человека.

ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ

**

Писатели Советской Грузии глубоко опечалены безвременной кончиной талантливого русского поэта Александра Сергеевича Кочеткова. Эта потеря особенно тяжела для грузинской литературной общественности, с которой А. С. Кочетков был связан многолетней плодотворной творческой работой по переводу и популяризации грузинской литературы. Память о прекрасном поэте, мастере русского слова, нашем друге и товарище всегда будет жить в сердцах его грузинских друзей.

Г. Леонидзе, С. Чиковани, Ш. Дадиани, Л. Киачели, К. Лордкипанидзе, Н. Чилая, А. Абашели, С. Шаншиашвили, Г. Абашидзе, Б. Жгенти, А. Чейшвили, К. Каладзе, Д. Шенгелая, И. Лисашвили, Ф. Твалтвадзе, Г. Маргвелашвили, Э. Ананиашвили.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Б00843.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30